

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

К. А. Болдовский, Д. Бранденбергер

Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания

Болдовский

Кирилл

Анатольевич

канд. ист. наук,

науч. сотр.,

Санкт-Петербургский

институт истории

РАН

(Санкт-Петербург,

Россия)

Бранденбергер

Дэвид

PhD истории,

проф., Университет

Ричмонда (Ричмонд,

Вирджиния, США);

исследователь,

Национальный

исследовательский

университет «Высшая

школа экономики»

(Москва, Россия)

В этом году исполнилось 70 лет с начала массовой репрессивной кампании 1949–1951 гг., в ходе которой были подвергнуты чисткам сотни руководящих работников и которая вошла в историографию под названием «ленинградское дело»¹.

Выяснение причин и реконструкция событий указанной кампании далеко не закончены, хотя данная чистка активно обсуждается в научной литературе уже много десятилетий. Это объясняется, во-первых, чрезмерно затянувшийся недоступностью для исследователей многих важнейших источников, несмотря на то что публикация первых документов, связанных с «ленинградским делом», началась более 30 лет тому назад, а во-вторых, закрытостью самого дела, в отличие от больших политических процессов 1930-х гг. В такой закрытости отразилось одно из противоречий сталинского режима в последнее десятилетие его существования. Прорекларированная И. В. Сталиным незадолго до начала войны полная победа над внутренними политическими противниками означала отсутствие внутри страны социальной базы для возникновения враждебных политических групп². Единственным приемлемым объяснением в рамках этой парадигмы стало объявление выбранных жертв иностранными шпионами, что и было сделано в известном «деле врачей».

Однако обвиняемых по «ленинградскому делу» — партийных и государственных руководителей высшего уровня, которые никогда не работали за рубежом, не владели иностранными языками и занимались прежде всего внутренней политикой, — было сложно представить агентами иностранных разведок³. Для постановки такого спектакля у специалистов из ведомства В. С. Абакумова⁴ явно не хватало режиссерского таланта.

Скорее всего, именно эта неопределенность и вызвала весьма странное, нелогичное развитие дела. Постоянно сопровождавшие его умолчания и недоговорки привели к парадоксальной ситуации, когда о точных причинах арестов и казней десятков руководителей весьма высокого ранга, в том числе практически всего руководства третьей по численности партийной организации страны, не были осведомлены не только нижестоящие работники, но и ближайшие соратники Сталина⁵.

Отсутствие четко сформулированной и структурированной официальной версии создало почву для разнообразных мифов, догадок, намеков и слухов, порой настолько живучих, что и в настоящее время они служат питательной базой для многочисленных публицистов⁶.

Чтобы понять, в чем же конкретно обвиняли подсудимых в ходе процессов по «ленинградскому делу», необходимо проанализировать документы, в которых эти обвинения сформулированы. К ним относятся и материалы судебно-следственных органов, и решения высших партийных инстанций, ставшие фундаментом для формирования официальной обвинительной конструкции. Один из важнейших источников — обвинительное заключение, подготовленное для судебного процесса, прошедшего в конце сентября 1950 г. в Ленинграде. Однако использовать этот источник следует с большой осторожностью по целому ряду причин.

Во-первых, в 37-страничном документе перечислены многочисленные преступления, правонарушения и проступки ленинградских руководителей, но большинство из них имеют весьма отдаленное отношение к главным обвинениям: государственной измене, экономическому вредительству и заговору. Многие из упомянутых нарушений, например злоупотребление властью, коррупция, фальсификация отчетов и незаконное использование ресурсов, были широко распространены в первые послевоенные годы практически во всех регионах СССР в больших масштабах. Судя по архивным документам, высшим партийным органам было об этом хорошо известно. Тем не менее ни одна партийная организация не подверглась такому бескомпромиссному разному.

Во-вторых, в обвинительном заключении масштабы нарушений часто преувеличиваются. Это придает действиям, не считавшимся преступными для других руководителей послевоенного периода, криминальный характер. Сравнение обвинений с данными из других архивных источников позволяет установить, что многие детали, указанные в обвинительном заключении, не находят подтверждения при тщательном изучении.

В-третьих, обвинительное заключение основано на протоколах допросов, которые были умышленно искажены с тем, чтобы продемонстрировать вину обвиняемых. Цитаты, приведенные в обвинительном заключении, взяты из так

называемых обобщенных протоколов. Протоколы должны были составляться в присутствии допрашиваемых, а затем подписываться ими постранично. Но в ходе следствия по «ленинградскому делу» протоколы составлялись отдельно, без участия обвиняемого, от которого требовалось только подписать уже готовый текст. О том, как это происходило, сообщал в своих показаниях бывший следователь МГБ А. В. Путинцев⁷:

Почти во всех таких протоколах вопросы следователя, придумываемые Броверманом⁸, и им же измышленные «шапки» ответов арестованного, как правило, не соответствовали приводимым далее фактам, отличавшимся зачастую своей незначительностью и никак не подтверждавшим бьющие на эффект «шапки» ответов.

Например, многие «обобщенные» протоколы допросов по т. н. «ленинградскому делу», после фальсификации их Броверманом и Комаровым, выглядели примерно так. На вопрос: «Рассказывайте о совершенных вами преступлениях», следовала сочиненная Броверманом «шапка» ответа, будто арестованный признает, что он являлся участником антипартийной группы, существовавшей в Ленинграде. В подтверждение же этой «шапки» приводились затем такие смехотворные, по своей незначительности, факты, как преподнесение мнимыми участниками группы подарков друг другу, их дружеские встречи в домашней обстановке, обмен приветственными и поздравительными телеграммами и тостами, встречи и проходы на вокзалах, произнесение здравий и т. д.⁹

Такая процедура привела, как признавал Путинцев, к появлению случаев откровенной фальсификации в протоколах допросов. Данная практика искажала протоколы, отражая точку зрения следователей, а не обвиняемых.

Хуже того, следователи МГБ по «ленинградскому делу» и другим ранним послевоенными делам регулярно получали признательные показания, зафиксированные в протоколах, посредством угроз, избиений и других форм физического и психологического давления¹⁰. По словам Путинцева, применение пыток было обычным делом и имело цель побудить заключенных к признанию в недоказуемых преступлениях:

...избиения арестованных приняли, подобно 1937 году, массовый характер. При этом была даже разработана и введена методика экзекуций. Арестованного, не дающего требуемых показаний, заводили в отдельный кабинет и там два младших офицера из тюремного надзора... били жертву по обнаженному телу резиновыми палками и плетками.

В камере такие арестованные целыми днями содержались в наручниках.

Доведенные до отчаяния, иные арестованные приходили к выводу, что предпочтительнее ужасный конец, чем бесконечные ужасы¹¹.

По словам Путинцева, после того как следователь получал таким образом признание вины, он фиксировал его в протоколе. Затем он объединял признательные показания с описаниями других действий обвиняемых, даже если они не имели никакого отношения к предполагаемому преступлению¹².

Практика применения пыток к заключенным и фальсификация протоколов допросов означают, что сведения, записанные в обвинительном заключении

«ленинградского дела», не могут считаться надежными или заслуживающими доверия без подтверждения из других источников, не связанных с расследованием¹³.

Хотя обвинительное заключение не следует использовать для получения объективной информации о реальных действиях ленинградских руководителей, оно представляет собой важнейший исторический источник. Если проанализировать его в контексте остальных официальных документов по «ленинградскому делу», оно дает возможность определить цели и задачи тех, кто его составлял. Такой сравнительный анализ может выявить те приоритеты, которые представлял сам Сталин, формулируя обвинения против ленинградцев.

Впервые политические обвинения были сформулированы в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А.¹⁴ и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И.¹⁵ и Попкова П. С.¹⁶». Суть обвинений сводилась, с одной стороны, к частным региональным нарушениям (проведению в Ленинграде якобы несогласованной торговой ярмарки), а с другой — к попыткам А. А. Кузнецова единолично управлять деятельностью ленинградской партийной организации и противопоставить ее Центральному комитету ВКП(б) путем создания «антипартийной группы». Данный документ, как и все постановления Политбюро, не предполагал развернутых объяснений и доказательств. Это, наряду с лапидарностью и некоторой образностью текста, создавало почву для разнообразных интерпретаций. Например, «у т. т. Кузнецова А. А., Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией... в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)»¹⁷.

У тех, кто был знаком с содержанием документа, неизбежно появлялись вопросы. Наиболее часто возникало недоумение по поводу того, в чем же конкретно выражалось стремление «отдалить» ленинградскую партийную организацию от ЦК?

Анализ записок, поданных на партийных собраниях, посвященных итогам февральского (1949 г.) объединенного пленума ленинградских горкома и обкома ВКП(б), показывает, что одним из вопросов, наиболее часто звучавших в различных вариациях, был следующий: «В чем конкретно выражалась антипартийная деятельность бывших руководителей города?»¹⁸.

Интерпретация постановления Политбюро усложнялась тем, что, в отличие от других масштабных чисток сталинского периода, не проводилась сопровождающая кампания с разъяснениями через «установочные» газетные статьи в партийной печати. До сих пор остается загадкой, почему на этот раз не соблюдалась ранее принятая практика. Вместо широкой критики положения дел партийное руководство отправило своих представителей в те регионы, где были обнаружены участники «антипартийной группы» для того, чтобы дать разъяснения местному партийному активу и потребовать проведения кадровых чисток. Первое такое собрание состоялось в Ленинграде 22 февраля 1949 г.,

когда Г. М. Маленков выступил перед внеочередным совместным пленумом горкома и обкома партии.

До сих пор неизвестно точное содержание основного выступления Г. М. Маленкова на этом собрании¹⁹. О содержании обвинительной речи можно судить по воспоминаниям отдельных слушателей и по стенограммам выступлений участников пленума. Согласно этим источникам, Маленков заявил, что главным «нарушением», допущенным ленинградскими руководителями, было стремление решать текущие вопросы управления регионом при помощи личных связей в ЦК, в первую очередь с Кузнецовым. По мнению Маленкова, это способствовало тому, что Ленинград превратился в «вотчину Кузнецова», против которого и было главным образом направлено обвинение. Несмотря на то что по итогам пленума в соответствии с постановлением Политбюро были сняты со своих постов первый секретарь ленинградских горкома и обкома ВКП(б) П. С. Попков и второй секретарь горкома Я. Ф. Капустин²⁰, версия о существовании «антипартийной группы» на пленуме подтверждения не получила.

Главных фигурантов дела, вместо арестов, которых можно было бы ожидать после обвинений в «групповщине», отправили на партийную учебу, а Н. А. Вознесенского сняли со всех постов за другие, якобы не связанные с ленинградскими событиями нарушения в Госплане²¹, но он также остался на свободе.

Эти политические зигзаги закончились только поздним летом 1949 г. с арестами первых подозреваемых: в конце июля — М. А. Вознесенской²² и Я. Ф. Капустина, 13 августа — основной группы (А. А. Кузнецов, П. С. Попков и др.), 27 октября был арестован Н. А. Вознесенский²³.

Начались допросы, с их помощью добывались материалы, по которым в октябре 1949 г. был подготовлен проект закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) к членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б). Полный текст письма, к сожалению, до сих пор недоступен для исследователей, известны лишь некоторые его фрагменты²⁴. Судя по ним, именно тогда впервые появилось упоминание о существовании «враждебно-шпионской террористической группы» во главе с Кузнецовым, которая сложилась в Ленинграде еще в предвоенные годы. Н. А. Вознесенского предлагалось исключить из партии за «связь с антипартийной группой Кузнецова», а не за участие в ней. В проекте закрытого письма упоминалось и то, что покойный к тому времени А. А. Жданов²⁵ должен нести «политическую ответственность» за то, что «не разглядел» «враждебного лица» Кузнецова, Попкова и др. В целом проект закрытого письма ЦК фактически предполагал начало полномасштабной политической кампании по разоблачению «враждебно-шпионского заговора».

Причины, по которым этот проект так и не стал официальным сообщением для членов и кандидатов в члены ЦК (т. е. для ведущих центральных и региональных партийных руководителей страны), требуют отдельного подробного анализа. Ясно, однако, что решение затормозить процесс формулирования официальной обвинительной позиции было принято лично Сталиным. Сталин редактировал проект, и никто иной не мог остановить его распространение.

Отсутствие сформулированных политических обвинений, подготовленных по линии партаппарата, совсем не означало, что Сталин решил притормозить процесс. Об этом свидетельствуют частично опубликованные письма Абакумова к вождю и то, что после октября 1949 г. допросы арестованных не прекращались и проходили регулярно²⁶.

18 января 1950 г. Абакумов отправляет Сталину список из 44 имен обвиняемых и предлагает:

Видимо целесообразно, по опыту прошлого, осудить в закрытом заседании Выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде без участия сторон, т. е. обвинения и защиты, группу человек 9–10 основных обвиняемых.

Остальных обвиняемых осудить в общем порядке Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

Для составления обвинительного заключения и подготовки дела к рассмотрению в суде нам необходимо знать лиц, которых следует осудить в числе группы основных обвиняемых.

Прошу Ваших указаний²⁷.

После этого в подготовке процесса наступает вторая достаточно длительная пауза. Сталин не отвечает на письмо Абакумова; по-видимому, это означает, что он еще не сформулировал свое мнение. В последней декаде августа Абакумов передает Сталину первый вариант обвинительного заключения для процесса, на котором в качестве обвиняемых должны фигурировать 33 чел.²⁸ На первом месте среди обвиняемых значится член Политбюро Н. А. Вознесенский и только потом следуют фамилии А. А. Кузнецова и П. С. Попкова. Сталин ознакомился с этим документом и решил внести в него принципиальные изменения. В его резолюции на первой странице проекта говорилось: «Во главе обвиняемых поставить Кузнецова, затем Попкова и потом Вознесенского». Кроме этого на документе появилась помета «Выз[вать] Аб[акумова]».

В настоящее время нет доступных источников, на основании которых можно однозначно определить причины, по которым Сталина не устроил первый вариант обвинительного заключения и сама идея «большого процесса», но его основные возражения видны из сравнения первого варианта обвинительного заключения со вторым, который был составлен в конце августа под личным руководством Сталина во время его отпуска в Сочи²⁹.

Основные отличия от первоначальной версии обвинения сводились к следующему:

- предлагалось осудить только 9 чел., в числе которых находились наиболее высокопоставленные в прошлом обвиняемые, вместо 33;
- вместо первоначального обвинения в создании антипартийной группы во главе с Вознесенским, Кузнецовым и Попковым, было объявлено, что антипартийная группа действовала под руководством Кузнецова;
- существенно сокращен раздел о преступлениях Вознесенского; кроме того, этот раздел перемещен из второй части обвинения в четвертую;

— сильно сокращен длинный и хаотичный список проступков всех 33 чел.; этот перечень преобразован в более компактное и лучше скоординированное в деталях описание совместной враждебной деятельности шести главных обвиняемых (Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина и Родионова) и их трех соучастников (Турко, Закржевской и Михеева);

— вместо общего обвинения в «заговоре против партии, правительства и народа», было объявлено, что подсудимые «ставили целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть».

Уже 4 сентября 1950 г. Абакумов и Главный военный прокурор А. П. Вавилов³⁰ посылают Сталину окончательный вариант обвинительного заключения.

Тогда же, 4 сентября, окончательно определилась судьба будущих подсудимых. В письме к Сталину Абакумов и Вавилов предложили приговорить Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина³¹ и Родионова к смертной казни, Турко³² — к 15 годам тюрьмы, Закржевскую³³ и Михеева³⁴ — к 10 годам³⁵.

Текст обвинительного заключения, текстуально совпадающий с разработанным 4 сентября, был окончательно оформлен 26 сентября 1950 г. в Главной военной прокуратуре.

Центральный процесс «ленинградского дела» проходил 29–30 сентября в ленинградском Доме офицеров, приговор полностью совпал с предложенным вариантом.

Окончательное решение об остальных арестованных по делу было принято Сталиным примерно 24 октября 1950 г., когда на очередной записке Абакумова появилась резолюция: «Тов. Сталин не возражает»³⁶.

Подробный анализ текста обвинительного заключения первого и основного процесса «ленинградского дела» выйдет далеко за рамки данной публикации, однако некоторые его существенные особенности следует рассмотреть.

Характерные черты этого юридического документа — бездоказательность обвинений, многочисленные умолчания и фрагментарность приведенных фактов. Создается впечатление, что обвинительное заключение создавалось исключительно в расчете на фактически закрытый, полусекретный характер судебного разбирательства. Даже юридическая основа обвинительного заключения вызывает целый ряд возражений³⁷. Политическая же сторона обвинений осталась расплывчатой.

Самое тяжелое из обвинений — в заговоре — так и не раскрывается. Декларируются лишь намерения обвиняемых «взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть», однако даже не упоминается о том, каким образом они собирались это осуществить. Планы по изменению кадрового состава ЦК ВКП(б), которые якобы вынашивали «заговорщики», также остались непроясненными. Совершенно непонятно, для чего Кузнецову, Попкову, Капустину и другим могло потребоваться «отрывать ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)» и как они намеревались использовать ленинградских коммунистов «для борьбы с ЦК». Весьма надуманными выглядят и отсылки к событиям второй половины 1920-х гг. — борьбы центра с так называемой ленинградской, или зиновьевской, оппозицией. За прошедшие с того времени к 1950 г. двадцать с лишним лет политическая конструкция в стране кардинально

изменилась, и вряд ли кто-либо мог всерьез воспринять подобный вариант развития событий.

В тексте обвинительного заключения отсутствуют свидетельства самого существования группы, т. е. доказательства связей обвиняемых, выходящих за рамки их служебных, аппаратных взаимоотношений или распределения между ними каких-либо обязанностей для проведения «заговорщицкой деятельности». Особенно заметны эти провалы в отношении Н. А. Вознесенского, с которым многие из подсудимых либо встречались крайне редко, либо не общались вовсе³⁸.

Большинство фактов, приведенных в заключении в качестве доказательств обвинения, при более тщательном рассмотрении вряд ли могут быть признаны преступными действиями.

Подсудимым ставили в вину то, что было характерно для любых региональных руководителей того периода: стремление получить больше ресурсов для своего региона, перенос плановых заданий в целях формирования успешных отчетов для центра и т. д.

Подсудимые также обвинялись в нарушениях, которые были широко распространены среди региональных руководителей того периода: злоупотребление властью, превышение должностных полномочий, «зажим критики», расходование бюджетных средств на полуофициальные мероприятия (на приемы, проводы, вечеринки на государственных дачах, поездки на отдых за город)³⁹.

Другая характерная черта обвинительного заключения — широкое применение искусственной конспирологии, когда обычные, характерные для подавляющего большинства партийно-государственных руководителей ошибки, недостатки и недоработки объявляются не только преступными деяниями, но и действиями, совершенными для реализации враждебных планов заговорщиков.

Иногда как преступное действие рассматривалось сокрытие давно известных биографических фактов, которые чаще всего уже были зафиксированы в персональных делах, протоколах различных партийных комиссий и т. д.

Преступными действиями были признаны и вполне легальные инициативы, такие как официальное обращение Родионова к Сталину с предложением создать бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, которое в тексте обвинения характеризуется так: «Носился с идеей создания ЦК РКП(б)»⁴⁰.

Весьма характерно и то, что в обвинительном заключении нет ни одного показания свидетелей или экспертов, не приведены вещественные доказательства (служебные документы, частная переписка, записи прослушки и т. д.). Все доказательства строились на показаниях обвиняемых на себя или друг на друга, полученных при помощи фальсификаций, шантажа и пыток. Вполне вероятно, что это было одной из причин, по которым потребовалось разделить один процесс — большой, показательный — на несколько более мелких.

В целом обвинительное заключение производит впечатление документа, составленного наспех. Бросаются в глаза непоследовательность, весьма слабая аргументация и отсутствие внятных обвинений. Даже ссылки из протоколов допросов часто произведены в искаженном виде (или вне контекста,

или в сокращенной форме, без указаний купюр, или полностью переписанные). Следует учесть, что сами протоколы — это сводные, искусственные документы, в которых зафиксированы не высказывания самих обвиняемых, а формулировки, разработанные следователями.

Обвинительное заключение вряд ли может быть рассмотрено как объективное описание состава преступлений или своеобразный обзор политической деятельности опальных «ленинградцев». Без дополнительных доказательств оно, скорее, демонстрирует только субъективное мнение Сталина и его соратников относительно дела.

В этом смысле обвинения, да и «ленинградское дело» в целом, выглядят как политическое поражение его инициаторов. В теории высшей точкой любой репрессивной кампании сталинского периода должен стать показательный процесс, целью таких кампаний являлось не только физическое устранение неугодных, но и публичное установление новых границ допустимого, новых правил и запретов в повседневной деятельности для оставшихся. Такой целью в «ленинградском деле» должна стать своеобразная кодификация новых правил игры для партийно-государственных руководителей среднего и высшего уровней. С точки зрения Сталина, это было необходимо для поддержания жесткого режима власти после того, когда в военные годы пришлось признать некоторое, хоть и небольшое, усиление самостоятельности и инициативности низовых структур управления и их руководителей.

Однако «ленинградское дело» завершилось неоднозначно, и невнятность его обвинений, расплывчатость запретов и отсутствие новых правил, вероятнее всего, и объясняют то, почему его результаты не получили огласку в официальной печати. Такой процесс мог бы только дезориентировать аудиторию, для которой он готовился. После него осталось бы неясным слишком многое. Можно ли теперь добиваться всеми силами преференций для своих регионов или ведомств и как без этого выполнять задания руководства? Можно ли формировать свою кадровую команду, или теперь это станет признаком преступных замыслов? Как осуществлять взаимодействие с центром и лоббировать свои ведомственные или региональные интересы, если запрещено искать персональной поддержки конкретных руководителей в Москве? Эти и многие другие вопросы повседневной деятельности управленцев оставались без ответа.

Более важным представляется, однако, другое. Стремление Сталина и его ближайших соратников ограничить самостоятельность нижестоящих руководителей вошло в противоречие с политическими, экономическими и социальными процессами в послевоенной стране, с усложнением управленческой системы, с необходимостью развития науки и новых технологий. Происходил неизбежный процесс формирования элитных групп в партийно-государственном аппарате, остановить который без применения широкомасштабных репрессий было уже невозможно.

Приложение**Обвинительное заключение**

по обвинению Кузнецова А. А., Попкова П. С., Вознесенского Н. А., Капустина Я. Ф., Лазутина П. Г., Родионова М. И., Турко И. М., Закржевской Т. В.⁴¹ и Михеева Ф. Е. по ст. 58-1, 58-7, 58-11 УК РСФСР⁴²

УТВЕРЖДАЮ:

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР

Генерал-лейтенант юстиции

ВАВИЛОВ <Вавилов>⁴³«<26>»⁴⁴ сентября 1950 года**ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

по обвинению:

КУЗНЕЦОВА Алексея Александровича,
ПОПКОВА Петра Сергеевича,
ВОЗНЕСЕНСКОГО Николая Алексеевича,
КАПУСТИНА Якова Федоровича,
ЛАЗУТИНА Петра Георгиевича,
РОДИОНОВА Михаила Ивановича,
ТУРКО Иосифа Михайловича,
ЗАКРЖЕВСКОЙ Таисии Владимировны и
МИХЕЕВА Филиппа Егоровича

в том, что они проводили вредительско-подрывную работу в партии и, намереваясь, подобно зиновьевцам, превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с ЦК ВКП(б), насаждали в ней недовольство в отношении ЦК ВКП(б), избивали и устранили честных коммунистов из руководящего состава ленинградской организации и заменяли их политически и морально разложившимися людьми, расставляли антипартийных людей в других пунктах СССР и, опираясь на них, имея в руках ленинградскую организацию, ставили целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; вели подрывную работу в государственных органах, нарушали государственные планы, дезорганизовывали распределение материальных фондов и снижали темпы развития народного хозяйства страны.

I

Произведенным МГБ СССР расследованием установлено, что в Ленинграде с 1938 года существовала вражеская группа, проводившая подрывную работу в партии и в государственной аппарате.

Обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и ЛАЗУТИН, используя свое пребывание на руководящей работе в ленинградской партийной организации, еще задолго до Отечественной войны приступили к группированию сторонников из чуждых и антипартийных элементов для борьбы против ВКП(б) и советского государства.

В своей вражеской деятельности они нашли опору и поддержку в лице также привлекаемых по настоящему делу: ВОЗНЕСЕНСКОГО — бывшего председателя Госплана СССР и РОДИОНОВА — бывшего председателя Совета Министров РСФСР.

Обвиняемые ВОЗНЕСЕНСКИЙ и РОДИОНОВ, в свою очередь, делали ставку на вражескую группу КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА и КАПУСТИНА в подрывной работе против партии и ее ЦК.

Все они, рассчитывая овладеть ленинградской организацией и опереться на нее в борьбе против ЦК ВКП(б), вступили на вражеский путь отрыва ленинградской организации и противопоставления ее Центральному Комитету, и, действуя как раскольники, подрывали единство партии.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ на следствии показал:

«Наша антипартийная группа повела линию на отрыв ленинградской партийной организации от Центрального Комитета ВКП(б) и лично СТАЛИНА».

Обвиняемый ПОПКОВ, подтвердив это обстоятельство, показал:

«Начав еще до войны в преступных целях сколачивать вокруг себя преданных нам людей, КУЗНЕЦОВ, я — ПОПКОВ, КАПУСТИН, ЛАЗУТИН и ТУРКО представляли собой антипартийную группу, противопоставившую себя ЦК».

Обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и КАПУСТИН, совместно с обвиняемыми ЛАЗУТИНЫМ, ТУРКО и ЗАКРЖЕВСКОЙ, начиная с 1938–39 гг., насаждали недовольство в ленинградской организации в отношении ЦК ВКП(б) и распространяли клевету, утверждая, что ЦК якобы не заботится о нуждах Ленинграда.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ показал:

«Прививая своим приближенным неуважение к центральным партийным и советским органам, я высказывал вражеские измышления в отношении членов Политбюро. ПОПКОВУ, КАПУСТИНУ и другим моим единомышленникам я говорил, что руководители партии и правительства якобы не знают ленинградских условий, плохо осведомлены об истинном положении вещей на местах и поэтому выносят неправильные решения».

Активный участник раскрытой в Ленинграде вражеской группы, обвиняемый КАПУСТИН показал:

«Вконец обнаглев, мы стали между собой критиковать решения ЦК и Совета Министров СССР, высказывая недовольство ими...⁴⁵ В Москве, клеветнически заявлял ПОПКОВ, не заинтересованы в развитии Ленинграда и ущемляют интересы ленинградцев.

...Зачастую клевета против ЦК ВКП(б) исходила от КУЗНЕЦОВА, а мы ее распространяли в партийной среде».

Обвиняемый ЛАЗУТИН, также проводивший активную подрывную работу в Ленинграде, в свою очередь, показал:

«Мы, исходя из своих вражеских устремлений, отрицали заботу партии и правительства о Ленинграде».

Показания обвиняемых КУЗНЕЦОВА, КАПУСТИНА и ЛАЗУТИНА находят свое полное подтверждение и в других материалах следственного производства.

Обвиняемый ПОПКОВ, касаясь вражеской линии участников группы на создание недовольства в ленинградской организации в отношении ЦК ВКП(б), показал:

«Между мной, КАПУСТИНЫМ и БАДАЕВЫМ⁴⁶ также часто велись разговоры, в которых мы клеветнически обвиняли ЦК ВКП(б) в зажиме и нарушении внутрипартийной демократии.

...В тех случаях, когда наши непомерные запросы не удовлетворялись, я говорил, что ленинградцев обделяют».

Как установило следствие, недовольство Центральным Комитетом ВКП(б) высказывалось участниками вражеской группы даже на созывавшихся в Ленинграде широких совещаниях, об одном из которых обвиняемая ЗАКРЖЕВСКАЯ показала:

«ПОПКОВ распоясался до того, что в своем выступлении на совещании ленинградских металлургов по поводу дальнейшего развития промышленности Ленинграда охаивал указания ЦК ВКП(б)»⁴⁷.

В целях обособления и отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и превращения ее в опору для борьбы с партией, обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и другие участники возглавлявшейся ими вражеской группы умышленно умалчивали о постоянно оказываемой со стороны ЦК ВКП(б) помощи в деле подъема народного хозяйства и повышения материально-культурного благосостояния трудящихся Ленинграда и Ленинградской области.

Они обманывали ленинградцев и преступно скрывали от них руководящую роль ЦК ВКП(б) в деле обороны Ленинграда в период Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков.

Они извращали факты истории, затушевывали огромные усилия всей страны, под руководством ЦК ВКП(б) и правительства, направленные к защите Ленинграда в период войны, и выпячивали себя в роли его спасителей.

По этому поводу обвиняемый ПОПКОВ показал:

«На КУЗНЕЦОВА, меня и КАПУСТИНА, в первую очередь, ложится вина за преступное сокрытие от ленинградцев роли ЦК ВКП(б) в деле организации разгрома немецких войск под Ленинградом».

Это же подтвердил на следствии и обвиняемый КАПУСТИН. Он показал:

«Фальсификация истории обороны Ленинграда являлась одним из приемов нашей преступной деятельности, которым мы пользовались, чтобы выставить КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА и других лиц в роли спасителей города и подобным обманом популяризировать их».

Обвиняемая ЗАКРЖЕВСКАЯ, касаясь обмана и подтасовки фактов, к которым прибегали участники вражеской группы, показала:

«На одном из совещаний с первыми секретарями райкомов партии КУЗНЕЦОВ прямо провел мысль, что он является одним из освободителей Ленинграда. В соответствии с этим, он в своих выступлениях утверждал, что Ленинград освободился от немецкой блокады изнутри, только собственными силами, без какой бы то ни было помощи со стороны ЦК и советского правительства».

Даже музей обороны Ленинграда, посвященный подвигам его трудящихся и войск Ленинградского фронта, был приспособлен в угоду КУЗНЕЦОВУ, ПОПКОВУ, КАПУСТИНУ и их сообщникам и использован ими в преступных целях, для сокрытия организующей и направляющей роли ЦК ВКП(б), обмана и сокрытия исторических фактов и документов, свидетельствующих о том, что весь советский народ, под руководством партии и правительства, принял участие в освобождении Ленинграда от блокады в период Великой Отечественной войны. Музей был превращен участниками вражеской группы в средство саморекламы и обошелся государству в несколько миллионов рублей⁴⁸.

Афишируя свои несуществующие заслуги и бесцеремонно выставляя себя как организаторов победы над немцами под Ленинградом, обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и ЛАЗУТИН, в действительности, в наиболее трудный период войны, в 1941 году проявили себя трусами, паникерами и выражали неверие в победу советских войск.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ, признав это обстоятельство, показал:

«В 1941 году, в связи со сложившейся угрожающей военной обстановкой под Ленинградом, у меня были упадочнические, панические настроения. Мною овладела трусость. Характерным для нас в этот тяжелый период была неуверенность в победе».

Обвиняемый ПОПКОВ, спрошенный об этом на следствии, показал:

«При приближении немцев к Ленинграду, мы перестали верить в победу и, проявив малодушие, начали вести между собой клеветнические разговоры».

Аналогичные предыдущим дали также показания обвиняемые ТУРКО и МИХЕЕВ.

Стремясь отдалить и оторвать ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б), КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и их сообщники сеяли недоверие к Центральному Комитету, обманывали

и скрывали положение дел в ленинградской организации, игнорировали решения и указания ЦК, подрывали дисциплину, существующую в партии.

Допрошенный по этому вопросу, обвиняемый КАПУСТИН показал:

«КУЗНЕЦОВ давал нам указание — не обращаться в ЦК к кому-либо помимо него. Он приучил нас не информировать ЦК о делах в Ленинграде».

По существу этих преступных указаний, исходивших от КУЗНЕЦОВА, обвиняемый ПОПКОВ показал следующее:

«КУЗНЕЦОВ самолично давал мне различные указания и требовал беспрекословного повиновения. Между ЦК и ленинградской партийной организацией образовалась стена в лице КУЗНЕЦОВА и всех нас, кто ему в этом активно помогал. Вокруг нас группировались такие люди, которым не нравилась крепкая дисциплина, существующая в партии».

Подтвердив показания КАПУСТИНА и ПОПКОВА, обвиняемый КУЗНЕЦОВ признал, что:

«В преступных целях я всеми путями и средствами добивался овладеть руководством ленинградской партийной организации, в чем мне активно содействовали ПОПКОВ и КАПУСТИН. ПОПКОВУ я говорил, что в ЦК ему ни с какими вопросами обращаться не следует, а все он должен согласовывать лишь со мной.

Мы игнорировали указания ЦК ВКП(б) и в своем кругу заявляли, что решения партии и правительства на нас не распространяются.

Зарвавшись в своих преступных делах, я не считался с указаниями Центрального Комитета партии и по вопросам, касающимся улучшения внутрипартийной работы в ленинградской организации».

Обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и КАПУСТИН, эти враги партии, отщепенцы и двурушники, начав с насаждения недовольства в отношении ЦК ВКП(б), дошли до того, что стали вынашивать и высказывать подлые изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе ЦК ВКП(б) и правительства.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ показал:

«...Запутавшись в антипартийных преступных делах, я, ПОПКОВ и КАПУСТИН докатились до того, что стали высказывать надежду на возможность изменения в составе руководства ЦК и правительства».

Обвиняемые ПОПКОВ и КАПУСТИН в своих показаниях также подтвердили, что и они вынашивали изменнические замыслы.

Вражеская группа, как показали ПОПКОВ и КУЗНЕЦОВ, в подрывной работе против ЦК ВКП(б) и правительства возлагала надежды на ВОЗНЕСЕНСКОГО, как человека, близкого, удобного им и, к тому же выходца из Ленинграда. В своих преступных целях КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и КАПУСТИН превозносили ВОЗНЕСЕНСКОГО и всячески его популяризировали. Расчеты участников группы совпадали и с личными устремлениями ВОЗНЕСЕНСКОГО, который, порываясь к власти, также вынашивал вражеские замыслы.

Обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ показал:

«Еще давно я возмнил о себе, что предназначен для большой государственной работы и в дальнейшем мои помыслы были направлены к тому, чтобы создать себе карьеру «политического деятеля»... В силу этого я приближал к себе ленинградцев, задабривал их».

Таким образом, следует считать установленным, что КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, ВОЗНЕСЕНСКИЙ и другие обвиняемые по деду насаждали недовольство в ленинградской партийной организации в отношении ЦК ВКП(б), обманывали и скрывали факты и документы с целью отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и намеревались превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК, так же, как это делали зинovieвцы.

II

Личными признаниями обвиняемых, показаниями свидетелей и другими материалами дела установлено, что КУЗНЕЦОВ и сменивший его на посту секретаря Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) ПОПКОВ, осуществляя свои вражеские намерения, расставляли на ответственные посты лиц, политически и морально разложившихся, выходцев из чуждой среды, обманным путем проникших в ВКП(б).

Обманывал партию и сам обвиняемый КУЗНЕЦОВ, скрывая от нее арест и осуждение за антисоветскую деятельность брата и родственников жены — дочери священника.

Действовали путем обмана и другие обвиняемые: ВОЗНЕСЕНСКИЙ, скрывавший от партии свое чуждое происхождение из семьи владельца сапожной мастерской, и РОДИОНОВ, утаивший принадлежность к кулакам отца — собственника ветряной мельницы и родственников жены, раскулаченных органами советской власти, а также арест и осуждение брата⁴⁹.

Нечестным путем проник в ВКП(б) и обвиняемый ЛАЗУТИН, скрывший при вступлении в 1925 году в ВКП(б) факт принадлежности отца к эсерам и его пособничества белым.

Обвиняемый КАПУСТИН, находясь в 1935–1936 гг. в служебной командировке в Англии, вел себя за границей недостойно: вступил в сожительство с англичанкой, слонялся по кабакам и пьянствовал с англичанами, которым выболтал некоторые секретные сведения о советской промышленности.

Такие, как ЛАЗУТИН и КАПУСТИН, оказались находкой для КУЗНЕЦОВА. Он поддерживал и покрывал их, как верных и послушных ему людей. В результате, КАПУСТИН был выдвинут на руководящую партийную работу и стал секретарем Ленинградского городского комитета ВКП(б), а ЛАЗУТИН — председателем исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся.

Серьезные материалы на КАПУСТИНА, о его антипартийных действиях, КУЗНЕЦОВ скрыл от партии, так как имел обыкновение использовать подобные материалы, чтобы крепче держать в узде своих людей и увереннее опираться на них в проведении вредительско-подрывной работы в партийном и советском аппарате.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ по этому вопросу показал:

«Чтобы быть уверенным в своих подручных, я подбирал их из числа подхалимов, лиц, политически скомпрометированных и имеющих темное прошлое. Приближая к себе таких людей, я давал им понять, что знаю об их “грехах”, но не склонен разоблачать их и даже, наоборот, пользуясь своим положением, готов тянуть их вверх по служебной лестнице.

Еще в 1937 году от ряда членов ВКП(б) Кировского завода мне стало известно, что парторг ЦК этого завода КАПУСТИН, как инженер, находясь в командировке в Англии, вел себя там недостойно, пьянствовал и путался с подозрительными лицами.

Вместо того, чтобы разобраться с делом КАПУСТИНА, я оставил безнаказанными его проступки и, более того, стал всячески его поддерживать и выдвигать».

Осуществляя ту же преступную практику, чтобы приобрести еще одного верного и послушного человека, КУЗНЕЦОВ материалы, поступившие на ВЕРБИЦКОГО⁵⁰, бывш[его] секретаря Ленинградского городского комитета ВКП(б), о его антипартийных действиях, передал самому же ВЕРБИЦКОМУ.

Допрошенный по делу ВЕРБИЦКИЙ по этому вопросу показал:

«Я был преисполнен благодарности к КУЗНЕЦОВУ за его отношение ко мне и с этого времени не упускал случая, чтобы доказать свою преданность ему.

КУЗНЕЦОВ меня приковал к себе так, что я постоянно находился под его влиянием, забыл интересы партии и стал его надежной опорой».

В аппарат Ленинградского областного комитета ВКП(б), заведующей отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, была назначена обвиняемая ЗАКРЖЕВСКАЯ.

После того, как она скомпрометировала себя в Ленинграде неблагоприятными поступками⁵¹, КУЗНЕЦОВ, чтобы вывести из-под удара свою сообщницу, протащил ЗАКРЖЕВСКУЮ в 1947 году на партийную работу в Москву, а через некоторое время вновь возвратил ее на руководящую работу в Ленинградский обком ВКП(б).

Обвиняемая ЗАКРЖЕВСКАЯ показала:

«КУЗНЕЦОВ и ПОПКОВ в 1947 году выручили меня из беды. Это делалось ими потому, что они видели во мне человека, преданного им, на которого опирались в своих антипартийных делах в Ленинграде».

Ближайший сподвижник и преемник КУЗНЕЦОВА — ПОПКОВ целиком воспринял и продолжил эту преступную практику. Подбирая сообщников, он приближал к себе и опирался на лиц, политически и морально разложившихся, с грязным прошлым и нечистоплотными связями.

Обвиняемый ПОПКОВ также держал в повиновении своих ставленников тем, что покрывал их и спасал от разоблачения. Он показал:

«Я взял троцкиста ГАЛКИНА⁵² под свою опеку.

Мы прикрыли ВЕРБИЦКОГО, причем КУЗНЕЦОВ даже передал ему поступившее заявление... Когда мне относительно ВЕРБИЦКОГО звонили работники аппарата ЦК, я беззастенчиво их обманывал и, скрывая истинное лицо ВЕРБИЦКОГО, давал ему положительную характеристику».

Троцкист ГАЛКИН, выступавший в 1925 году на стороне троцкистско-зиновьевской оппозиции и голосовавший за отказ подчиниться решениям XIV съезда ВКП(б)⁵³, КУЗНЕЦОВЫМ и ПОПКОВЫМ был спасен от разоблачения и выдвинут на руководящую работу, заместителем председателя исполкома Ленинградского горсовета.

Допрошенный по делу ГАЛКИН подтвердил, что он был продвинут на руководящую работу в советский аппарат обвиняемыми ПОПКОВЫМ и КУЗНЕЦОВЫМ.

ПОПКОВ, заинтересованный в поддержке со стороны связанного с ним по вражеской работе ВОЗНЕСЕНСКОГО, благоволил и к его сестре — троцкистке ВОЗНЕСЕНСКОЙ, которая ранее арестовывалась и ссылалась за антисоветскую деятельность. При помощи ПОПКОВА она оказалась на партийной работе, секретарем Куйбышевского райкома ВКП(б) гор. Ленинграда.

В свою очередь, брат ВОЗНЕСЕНСКОГО — ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А.⁵⁴, проникший в ВКП(б) обманным путем, скрыв свою близость в прошлом к «народным социалистам» и факт поддержки им правительства Керенского, также пользовался опекой ПОПКОВА. ВОЗНЕСЕНСКИЙ засорил кадры преподавателей Ленинградского государственного университета троцкистами, зиновьевцами, эсерами и прочими врагами советской власти.

ПОПКОВ и КУЗНЕЦОВ протащили на руководящую работу своего человека — ЛЕВИНА⁵⁵, выдвинутого ими в 1948 году секретарем Ленинградского горкома ВКП(б). Отец ЛЕВИНА являлся скототорговцем, а отец его жены — крупным кулаком и владельцем парохода, организовавшим в 1918 году под Ленинградом белогвардейский отряд и расстрелянным впоследствии органами ЧК за вооруженную борьбу против советской власти.

Ставленником руководящих участников вражеской группы являлся и БАДАЕВ, бывший[ий] второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б). Он в 1928 году подавал заявление о выходе из партии, тайно крестил в церкви своего ребенка, в 1930 году проявил себя как злостный нарушитель трудовой дисциплины на заводе, а в период ликвидации кулачества уклонился от мобилизации на работу в деревню.

Секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) был поставлен НИКИТИН⁵⁶, скрывший от партии арест и осуждение за антисоветскую деятельность мужа сестры. НИКИТИН пьянками и распутством окончательно себя скомпрометировал, и его втихомолку убрали из Ленинграда, но переведенный на руководящую партийную работу в Новосибирск, он и там дал

себя знать, оставив во время попойки в местном ресторане в залог, вместо денег, свой билет депутата Верховного Совета РСФСР. В Новосибирске НИКИТИН установил связь с троцкистом СИЗОВЫМ.

КУЗНЕЦОВ продолжал покрывать НИКИТИНА, который был отозван в Ленинград и через ПОПКОВА назначен заместителем председателя Ленинградского облпрофсовета.

Опекаемый ПОПКОВЫМ БОЯР⁵⁷, женатый на троцкистке и сам поддерживавший близкую связь с троцкистами, был назначен заместителем председателя Леноблсполкома.

Допрошенные по делу ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А., ВОЗНЕСЕНСКАЯ, ЛЕВИН, БАДАЕВ, НИКИТИН и БОЯР подтвердили факты, их касающиеся, и показали, что в Ленинграде осуществлялась преступная практика насаждения чуждых и враждебных людей в партийный и советский аппарат.

Покровительством ПОПКОВА пользовался бывш[ий] заведующий отделом Ленинградского обкома ВКП(б) ТИХОНОВ⁵⁸. Несмотря на несколько партийных взысканий, он был выдвинут на руководящую партийную работу и депутатом Верховного Совета РСФСР. ТИХОНОВ, чувствуя опору и поддержку, настолько распоясался, что в период блокады Ленинграда воспользовался тяжелым положением населения и скупал за бесценку мебель, а его жена торговала продуктовыми карточками⁵⁹.

Благодарный за покровительство, ТИХОНОВ в 1948 году, будучи председателем счетной комиссии на Ленинградской областной и городской партконференции, подтасовал результаты выборов, присчитав ПОПКОВУ, а заодно КАПУСТИНУ и ЛАЗУТИНУ, голоса тех лиц, которые в действительности голосовали против них.

Допрошенный по делу ТИХОНОВ показал:

«Я сфальсифицировал результаты голосования по выборам руководящих партийных органов на Ленинградской партконференции.

Будучи председателем счетной комиссии, я присчитал к числу голосовавших за избрание секретаря обкома и горкома ВКП(б) ПОПКОВА, секретаря горкома КАПУСТИНА секретаря обкома БАДАЕВА и председателя Ленсовета ЛАЗУТИНА голоса, поданные против них, и скрыл это от партийной конференции»⁶⁰.

Секретарем Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ был поставлен КУЗНЕЦОВЫМ свой человек — ИВАНОВ⁶¹, выходец из чуждой среды. При вступлении в ВКП(б) он скрыл, что происходит из семьи дворянина, офицера царской армии и ложно сообщил, что его родители погибли в боях против белых, а себя выдал за беспризорника.

ИВАНОВ попирали малейшие проявления критики в среде комсомольских работников. Когда недовольство комсомольцев таким руководителем сделало неудобным дальнейшее нахождение его во главе ленинградской комсомольской организации, КУЗНЕЦОВ передвинул ИВАНОВА на партийную работу, и он некоторое время являлся секретарем Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде, а затем оказался на работе в ЦК ВЛКСМ.

В свою очередь, и обвиняемый КАПУСТИН, подобно его сообщникам, использовал материалы, поступающие на него приближенных, чтобы превратить их в послушных и покорных людей и опереться на них в борьбе, которую вела вражеская группа, против партии и ее ЦК.

Обвиняемый МИХЕЕВ, которого КАПУСТИН протаскил на руководящую работу в партийный аппарат, в числе своих родственников имел кулаков, немецких пособников и лиц, арестовывавшихся органами советской власти, о чем поступил сигнал в Ленинградский горком ВКП(б). Однако КАПУСТИН, заинтересованный в сохранении МИХЕЕВА, замазал поступившие материалы, ознакомил с ними самого МИХЕЕВА и впоследствии вовлек его в преступления против партии и советского государства.

Подтвердив это на следствии, обвиняемый МИХЕЕВ показал:

«КАПУСТИН так же, как и ПОПКОВ, скрывал творимые мною преступления. Именно они, ПОПКОВ и КАПУСТИН, морально разложили меня, в результате чего я стал преступником».

Расставляя своих людей на ответственных постах, руководящие участники вражеской группы проводили через них подрывную работу в ленинградской организации.

Отвечая на вопрос следствия, — в каких целях это делалось, — обвиняемый КУЗНЕЦОВ показал:

«Я, ПОПКОВ, КАПУСТИН и ЛАЗУТИН окружали себя в Ленинграде беспринципными, политически скомпрометированными и имеющими темное прошлое людьми. Понимая, что нам известны их грехи, эти люди безропотно выполняли нашу волю, находились в зависимости от нас и служили опорой в проведении нами подрывной деятельности против партии и ее ЦК».

Следствие далее установило, что вражеской группой, с помощью КУЗНЕЦОВА, в тех же преступных целях расставлялись антипартийные люди в различных пунктах СССР, чтобы опереться и на них в борьбе против партии и ее ЦК.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ, признав, что антипартийные люди из числа его сообщников протаскивались на руководящую работу, помимо Ленинградской, и в некоторые другие области СССР, показал, что им предлагалось на новых местах заводить «ленинградские порядки», сколачивать вокруг себя надежных людей и опираться на них в проведении подрывной работы.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ относительно использования своих вражеских связей в других пунктах СССР показал:

«Намереваясь распространить через них свое влияние и в определенный момент получить во всех местах поддержку, я предлагал своим ставленникам держать со мной тесную связь и обо всем меня информировать».

Обвиняемый ТУРКО, при поддержке КУЗНЕЦОВА, оказался на руководящей партийной работе в Ярославской области, первым секретарем обкома ВКП(б). Он и на новом месте продолжал действовать теми же методами, что и в Ленинграде.

Обвиняемый ТУРКО об этом показал:

«Перед отъездом в Ярославль я был у КУЗНЕЦОВА в Москве. ...Перейдя, наконец, к моей предстоящей работе на новом месте, КУЗНЕЦОВ сказал, что в Ярославле я должен завести ленинградские порядки. Из этих слов я понял, что в Ярославле я должен прививать тот же стиль работы, который был принят нами в Ленинграде. Прибыв в Ярославль, я повел себя там как полномочный хозяин, стал зажимать критику и запугивать партийный актив».

Кроме ТУРКО, на руководящей партийной работе при поддержке КУЗНЕЦОВА и ПОПКОВА оказались и другие их приспешники: СОЛОВЬЕВ⁶², бывш[ий] председатель Ленинградского облисполкома — первым секретарем Крымского обкома ВКП(б), КЕДРОВ⁶³, бывш[ий] секретарь Ленинградского горкома партии — секретарем ЦК КП(б) Эстонии и ТАЛЮШ⁶⁴, бывш[ий] заведующий отделом Ленинградского обкома партии — секретарем Саратовского обкома ВКП(б).

Допрошенные по делу КЕДРОВ, СОЛОВЬЕВ и ТАЛЮШ подтвердили, что они осуществляли антипартийную практику в партийном и советском аппарате Эстонской ССР, Крымской и Саратовской областей.

Обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН, ЛАЗУТИН и их сообщники, кроме того, будучи великодержавными шовинистами, делали вражеские выпады против ЦК ВКП(б) и в своих преступных целях, для подрыва единства партии, помышляли о выделении из ВКП(б) Российской коммунистической партии. В секретари ЦК РКП(б) они прочили своего вожака — КУЗНЕЦОВА.

Обвиняемый ЛАЗУТИН показал:

«Проявляя шовинистические настроения, КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и я клеветнически заявляли, что ЦК не проявляет должной заботы о РСФСР, уделяя больше внимания другим национальным республикам СССР».

Подтвердив показания ЛАЗУТИНА, обвиняемый ПОПКОВ показал:

«В сокровенных беседах мы клеветали на ЦК ВКП(б) и с вражеских позиций заявляли, что ЦК не защищает интересов Российской Федерации».

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ по этому же вопросу показал:

«Мы неоднократно с вражеских позиций обсуждали вопрос о необходимости создания РКП(б) и о целесообразности перевода правительства РСФСР в Ленинград.

В сокровенных беседах между собой ПОПКОВ и КАПУСТИН называли меня будущим секретарем ЦК РКП(б), а я в душе уже ликовал и мысленно представлял себя руководителем коммунистов Российской Федерации».

Участники вражеской группы быстро спелись и нашли общий язык с бывшим председателем Совета Министров РСФСР РОДИОНОВЫМ, который также с ненавистью относился к ЦК ВКП(б) и советскому правительству.

Обвиняемый РОДИОНОВ в этой связи показал:

«Я был проникнут недовольством против ЦК ВКП(б) и советского правительства. Я придерживался враждебного убеждения, что ЦК ВКП(б) и советское правительство не проявляют якобы должного внимания и заботы в отношении РСФСР, ставя в привилегированное положение другие союзные республики и в этой связи носился с идеей создания ЦК РКП(б)».

Таким образом, следует считать установленным, что вредительско-подрывная работа в партии КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, РОДИОНОВА, КАПУСТИНА, ЛАЗУТИНА и других обвиняемых по делу выразилась в расстановке антипартийных людей в различных пунктах СССР, используя для этого доверие тов. ЖДАНОВА; опираясь на таких антипартийных людей и имея в руках ленинградскую организацию, участники вражеской группы ставили своей целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть.

III

Следствием собран обстоятельный материал, с бесспорностью устанавливающий, что вражеская деятельность участников группы заключалась в политическом и моральном избиении честных коммунистов из числа руководящих работников ленинградской организации, которые подвергались травле, гонениям и преследованиям.

Обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и ЛАЗУТИН, опираясь на поддержку своих сообщников, расправлялись с каждым, кто осмелился против них выступить, и добивались изгнания неугодных им коммунистов из Ленинграда.

Секретарь Петродворцового райкома ВКП(б) СМИРНОВ в 1940–1941 гг. неоднократно выступал с разоблачением антипартийных действий КАПУСТИНА.

КАПУСТИН и КУЗНЕЦОВ по взаимному сговору, чтобы избавиться от СМИРНОВА, приняли решение удалить его с партийной работы, в связи с чем и передвинули его начальником Ленинградского Управления трудовых резервов.

В 1945 году заместители председателя Ленинградского обкомполкома ЛАШИНА⁶⁵ и ДАНИЛИН⁶⁶ подали заявление в Обком ВКП(б) с указанием, что первый заместитель председателя Обкомполкома САФОНОВ⁶⁷ пьянствует и ведет себя недостойно.

Заявление было рассмотрено на бюро Обкома ВКП(б), но наказали не САФОНОВА, а жаловавшихся на него ЛАШИНУ и ДАНИЛИНА, которые были сняты с работы. Факт расправы с ЛАШИНОЙ и ДАНИЛИНЫМ подтвердили в своих показаниях КУЗНЕЦОВ, СОЛОВЬЕВ, ЛАЗУТИН и ТУРКО.

Допрошенный по делу САФОНОВ признал, что с помощью СОЛОВЬЕВА и КУЗНЕЦОВА ему удалось увильнуть от ответственности, а ЛАШИНА и ДАНИЛИН, напротив, были наказаны и сняты с работы.

Травле и гонению подвергался также директор завода КОЖАРИНОВ⁶⁸. По признанию обвиняемого КАПУСТИНА, в 1947 году КОЖАРИНОВ был бы снят с работы, если бы не вмешательство из Москвы.

По показаниям обвиняемого КАПУСТИНА, негодным ему и другим участникам вражеской группы оказался НИЛОВ⁶⁹, бывший секретарь Приморского райкома ВКП(б). Не нашлось ему места в Ленинграде, показывает КАПУСТИН, после того как он проявил критическое отношение к деятельности бывших ленинградских руководителей.

Заигрывая с ленинградцами, чтобы подладиться к ним и укрепить свое положение, в интересах проведения подрывной работы, участники вражеской группы льстиво твердили об исключительных достоинствах ленинградских работников, называли их деятелями особого склада, утверждали, что у них-де есть чему поучиться представителям других районов страны и призывали даже для изучения их «опыта» к паломничеству в Ленинград.

По личному признанию обвиняемого КУЗНЕЦОВА, чтобы задобрить и привязать к себе партийных и советских работников Ленинграда, в 1940 году и позже практиковалось незаконное премирование секретарей райкомов партии и председателей исполкомов.

В курортных местах, на побережье Финского залива появились охотничьи угодья и множество дач, где происходили коллективные пьянки, способствовавшие морально-бытовому разложению руководящих работников города и области. Такие же пьянки происходили и в доме отдыха обкома ВКП(б) на Каменном острове, в Ленинграде, а также на квартире и на даче КУЗНЕЦОВА.

КУЗНЕЦОВ относительно этих сборищ показал:

«Бывало, кое-кто из моих приближенных напивался там до положения риз и без посторонней помощи не мог передвигаться. Дело порой доходило до потасовок не без участия жен, ввязывавшихся в драки, чтобы разнять не в меру разбушевавшихся мужей. Причем все это происходило на глазах обслуживающего персонала.

Такие же «увеселения» имели место и на дачах Ленсовета и Облсовета».

Обвиняемый МИХЕЕВ, подвизавшийся по указке ПОПКОВА и КУЗНЕЦОВА в роли устроителя для них этих «увеселений», показал:

«Расходы по даче также стали в копейку государству... Жены ответственных работников, заранее придумывая меню, изощрялись в ассортиментах вин, коньяков, ликеров, изысканных блюд и деликатесов. Каждая из них, стараясь друг перед другом козырнуть тонкостью своего вкуса, составляли такие заказы, которые ставили нас, хозяйственников, в тупик, так как многое из того, что заказывалось, в Ленинграде нельзя было достать».

По показаниям обвиняемого МИХЕЕВА, подтвержденным документальными данными, только в 1947 году на питание семьи ПОПКОВА, его родственников и приживалок было израсходовано свыше полумиллиона рублей за счет государства.

Обкрадывая государство, за его счет, обвиняемые ПОПКОВ и КУЗНЕЦОВ задабривали верных и угодных им работников ленинградской организации вещевыми и продуктовыми посылками и даже направили в 1945 году посланца в Германию для приобретения и там ценного имущества.

Допрошенный в этой связи СОЛОВЬЕВ показал;

«...На квартиры наших единомышленников систематически доставлялись ценные посылки, состоявшие из изделий ленинградской промышленности.

В конце войны ПОПКОВ направил в Германию бывшего заместителя председателя Ленгорплана ЗИНОВЬЕВА, который привез в Ленинград 14 вагонов всевозможного имущества. Это имущество было поделено между руководящими ленинградскими работниками».

Допрошенный по делу ЛЕВИН, бывш[ий] секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), в свою очередь, показал:

«В артели “Ленэмальер” КАПУСТИН обманным путем, якобы для нужд Ленинградского горкома ВКП(б), взял выставочный, художественно отделанный серебряный кубок стоимостью в 48 тысяч рублей, залил его вином и вручил в качестве подарка в день рождения ПОПКОВУ».

Письмом от 21 июля 1949 года Управление промкооперации при Ленгорисполкоме уведомило ПОПКОВА, что изготовленный артелью и поднесенный ему в день рождения КАПУСТИНЫМ серебряный кубок не оплачен и, вместе с блюдом, оценивается в 48 тысяч рублей. В письме ПОПКОВУ было предложено вернуть сей «дар» по принадлежности, артели, чего он, однако, не сделал.

Документально установлено, что вконец разложившиеся ПОПКОВ, КУЗНЕЦОВ и ЛАЗУТИН, злоупотребляя служебным положением, чтобы пожить повольготнее и поживиться на государственный счет, на протяжении ряда лет противозаконно пользовались не по назначению, для личных нужд, финансовыми средствами из бюджета Ленинграда.

Ревизией, произведенной Министерством финансов СССР, обнаружено, что денежные средства по статье так называемых «прочих расходов» в бюджете Ленгорисполкома, возглавлявшегося ПОПКОВЫМ, а затем ЛАЗУТИНЫМ, расходовались бесконтрольно, под предлогом «секретности» производимых затрат, а в действительности на коллективные выпивки, меблировку своих квартир и на покупку друг другу подарков. Таким образом, участники группы подрывников без зазрения совести запускали руку в карман государства.

Пьянство, поощрявшееся ПОПКОВЫМ и КУЗНЕЦОВЫМ, приняло такие размеры, что даже в день Первомайской демонстрации в 1946 году в буфете при Центральной трибуне было распито свыше 170 бутылок вина и водки.

Обвиняемый ПОПКОВ, подтвердив материалы ревизии, произведенной Министерством финансов СССР, показал:

«Еще до моего прихода в 1938 году на работу в Ленинградский Совет депутатов трудящихся КУЗНЕЦОВ уже наложил руку на средства, которые выделялись по бюджету Ленинграда и Ленинградской области по статье «прочие расходы», строго засекретил их целевое назначение и, прикрываясь этим, а также пользуясь [тем], что расход указанных средств не подвергался ревизии, тратил их по своему усмотрению.

Став в 1939 году председателем Ленгорсовета, я тоже прильнул к этому источнику обогащения, приняв деятельное участие в распределении этих средств на наши личные нужды. Не отставали и другие наши сообщники, в частности, СОЛОВЬЕВ и ЛАЗУТИН.

Нанесенный за время моей работы председателем Ленгорсовета, а затем секретарем горкома и обкома ВКП(б) ущерб государству превышает 30 миллионов рублей».

Аналогичные предыдущим дали показания обвиняемые ЛАЗУТИН, КАПУСТИН и МИХЕЕВ.

Прикидываясь заботливыми руководителями, якобы постоянно хлопочущими о нуждах ленинградцев, обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ и КАПУСТИН в действительности обкрадывали их.

В период войны, в 1942 году ПОПКОВ, КУЗНЕЦОВ и КАПУСТИН через обвиняемого МИХЕЕВА, невзирая на чрезвычайно трудное положение со снабжением населения Ленинграда, блокированного немецкими войсками, неоднократно отправляли из города большое количество остродефицитных продуктов питания и промтоваров своим семьям и семьям своих сообщников, эвакуированным в гг. Челябинск и Троицк.

ПОПКОВ, КУЗНЕЦОВ и их прихлебатели так низко пали, что урывали продукты у голодающего населения осажденного Ленинграда и тайно, под видом «спецгрузов» Ленинградского обкома ВКП(б) целыми вагонами вывозили своим родственникам, находившимся в глубоком тылу.

Обвиняемый МИХЕЕВ показал:

«Используя свое служебное положение, КУЗНЕЦОВ, КАПУСТИН, ПОПКОВ, СОЛОВЬЕВ, я и другие участники нашей вражеской группы летом 1942 года отправили из блокированного

Ленинграда для своих семей пять грузовых пятитонных автомашин с продуктами питания и товарами широкого потребления.

Подобно ворам с большой дороги, мы ночью, втайне от населения города, вывезли под видом «спецгрузов» Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) такие продукты, как белую муку, сахар, крупы, шоколад и другие кондитерские изделия».

Однако этим дело не ограничилось, и вскоре была снаряжена новая экспедиция с посылками семьям. Об этом обвиняемый МИХЕЕВ показал:

«Вторичная отправка, примерно такого же ассортимента продуктов питания и промышленных товаров, состоялась по указанию КУЗНЕЦОВА и КАПУСТИНА в сентябре 1942 года. В этот раз мы урвали у голодавшего населения Ленинграда гораздо большее количество продовольствия, взяв его со складов Леноблпотребсоюза.

Мы нагрузили продовольствием и промтоварами несколько вагонов и опять как «спецгруз» вывезли все это по железной дороге в гг. Челябинск и Троицк».

Показания МИХЕЕВА подтвердили обвиняемый ЛАЗУТИН, а также допрошенный по делу ЗЛОБИН⁷⁰, сопровождавший вагоны с продовольствием и промтоварами в гг. Челябинск и Троицк.

Таким образом, следует считать установленным, что участники раскрытой в Ленинграде вражеской группы проводили подрывную работу, выразившуюся в политическом и моральном избиении честных коммунистов в руководящем составе ленинградской организации и смещении их с занимаемых постов, замене их политически разложившимися, антипартийными и антигосударственными людьми с целью навязать ленинградской организации в качестве ее руководителей разложившихся людей, пьяниц и воров, обкрадывавших партию и государство, и сделать ленинградскую организацию вполне послушной и угодной им.

IV

Имеющиеся в распоряжении следствия материалы устанавливают, что обвиняемые КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и ЛАЗУТИН, через бывшего председателя Госплана СССР обвиняемого ВОЗНЕСЕНСКОГО нарушали государственные планы и снижали темпы развития народного хозяйства страны, подрывали государственную дисциплину, срывали выполнение решений и указаний ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР относительно развития экономики Ленинграда и Ленинградской области.

Прикрываясь фальшивой маской рачительных хозяев и демагогически заигрывая с ленинградской организацией, они не брезговали ничем, лишь бы обойти советские законы и хищнически урвать побольше от государства.

Характеризуя подрывную деятельность своих сообщников КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА и КАПУСТИНА, обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ показал:

«Являясь чуждыми для партии людьми, они видели смысл только в том, чтобы содрать побольше с государства и полегче пожить за государственный счет. Они привыкли к вольности, им не нравилась крепкая дисциплина в партии.

Как хищники и мародеры КУЗНЕЦОВ, ПОПКОВ, КАПУСТИН и их сообщники искали ходы-выходы, чтобы обойти советские законы, найти лазейку, через которую подобраться к государственному добру».

В осуществление своих вражеских замыслов, в интересах сообщников и рассчитывая на них, ВОЗНЕСЕНСКИЙ, а также РОДИОНОВ, первый, как председатель Госплана СССР, а второй, как председатель Совета Министров РСФСР, действовали в обход и вопреки решениям ЦК ВКП(б) и правительства, отрывали материальные и финансовые средства от других областей и обращали их на преимущественное развитие промышленности

и городского хозяйства Ленинграда и Ленинградской области. Тем самым, они наносили ущерб экономическим интересам советского государства.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ, касаясь своей преступной связи с обвиняемым ВОЗНЕСЕНСКИМ, показал:

«Я и ПОПКОВ еще с довоенного времени по разным ленинградским делам связывались с ВОЗНЕСЕНСКИМ, минуя ЦК, и получали от него постоянную поддержку.

Противопоставляя себя Совету Министров СССР, ВОЗНЕСЕНСКИЙ самовольно выделял нам дополнительные средства и материальный фонд. Не было случая, чтобы ВОЗНЕСЕНСКИЙ в чем-либо отказал нам».

Спрошенный об этом обстоятельстве, обвиняемый ПОПКОВ показал:

«На протяжении многих лет, еще с довоенного времени, ВОЗНЕСЕНСКИЙ оказывал нам, ленинградцам, во всем поддержку. Практика наших взаимоотношений с ВОЗНЕСЕНСКИМ приучила нас считать его шефом».

Признав свою преступную связь с вражеской группой, существовавшей в Ленинграде, обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ показал:

«Весь период моей работы на посту председателя Госплана СССР я поддерживал порочную систему привилегированного снабжения Ленинграда... за счет других областей и союзных министерств, используя такие источники как нераспределенные ресурсы, новые ресурсы, возникшие в результате перевыполнения плана отдельными предприятиями, а также случайные запасы, обнаруживавшиеся во время и после войны.

Потакая ленинградцам, я при составлении годовых планов увеличивал им цифры капиталовложений, за которыми соответственно возрастали материальные фонды, подкармливал ленинградцев подачками, выделяя для них дополнительно металл, уголь, лес и другие строительные материалы».

По личному признанию обвиняемого ВОЗНЕСЕНСКОГО, он самовластно, без ведома правительства, предоставил в распоряжение обвиняемых ПОПКОВА и ЛАЗУТИНА, сверх государственных фондов, из нераспределенных резервов в 1944 году — уголь, в 1945 году — сутунку⁷¹, а в 1946 году — лес и битум.

Кроме того, убажая своих единомышленников и заключая с ними тайные закулисные сделки, действуя за спиной Совета Министров СССР, обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ незаконно перераспределял лимиты капиталовложений. В середине года он переводил средства с жилищного на коммунальное строительство и в 1946 году, например, своей властью снял лимиты с отстающих строок в Ленинграде и перевел на другие. В результате, чтобы покрыть своих сообщников, обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ создавал ложную картину общего выполнения плана по строительству, хотя за этим скрывалось невыполнение плана на ряде строок в Ленинграде.

В послевоенный период ВОЗНЕСЕНСКИЙ, кроме того, самоуправно разрешал ПОПКОВУ, КАПУСТИНУ и ЛАЗУТИНУ использовать средства, поступавшие в доход от эксплуатации жилищного фонда, только на ремонт жилищного хозяйства, освободив их от обязанности строить за этот счет новые дома⁷².

Не менее усердно, чем ВОЗНЕСЕНСКИЙ, угождал своим соучастникам по подрывной работе и обвиняемый РОДИОНОВ.

Он показал:

«Моя преступная связь с этими зарвавшимися людьми зашла так далеко, что в угоду им я не останавливался даже перед игнорированием решений советского правительства, как это было, в частности, по вопросу развития промышленности Ленинграда.

Я самочинно оказывал помощь ленинградцам. Для Ленинграда особым порядком включались в бюджет статьи расходов, которые не предусматривались в бюджетах других городов и областей».

Оторвавшись от партии и пренебрегая интересами советского народа, обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ насаждал в Госплане СССР семейственность, круговую поруку и поощрял нечестный подход к выполнению важнейшей государственной задачи по планированию народного хозяйства страны. Он выгораживал и потакал преступным элементам, оказавшимся, при его поддержке, на государственной плановой работе и, подобно ему, жонглировавшим цифрами и вводивших в заблуждение правительственные органы.

Проделки опекаемых им проходимцев, подрывавших основы государственного планирования, он брал под свою защиту.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ запутал планирование, а когда Советом Министров СССР было вскрыто осуществленное им занижение плана производства на первый квартал 1949 года, он пустился на обман правительства, всячески изворачивался и выгораживал себя путем нечестных комбинаций с цифровым материалом.

Подтвердив это обстоятельство, обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ показал:

«Мое антигосударственное отношение к руководству Госпланом СССР привело к тому, что в случае обнаружения дефектов в его работе я старался замазать свои упущения, лез напролом, защищая себя всячески нечестными аргументами. Я преступно считал, что в Госплане СССР могу сам все сделать, без правительства.

После того, как обнаружилось, что по моей вине народно-хозяйственный план первого квартала 1949 года оказался заниженным, я сжульничал и ухватился за возможность произвести комбинацию с цифрами».

Кроме того, обвиняемый ВОЗНЕСЕНСКИЙ преступно нарушал установленный правительством порядок хранения секретных материалов, в результате чего в Госплане было утрачено значительное число документов, составляющих государственную тайну СССР. Лица, виновные в утрате секретных документов, были разоблачены и осуждены Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

В 1949 году в Ленинграде РОДИОНОВЫМ и ПОПКОВЫМ, при участии КАПУСТИНА и ЛАЗУТИНА, без ведома и разрешения ЦК ВКП(б) и правительства, была проведена Все-союзная оптовая ярмарка, с привлечением к участию в ней торговых организаций краев и областей РСФСР, а также представителей торговых организаций всех союзных республик.

Преступные действия обвиняемых РОДИОНОВА и ПОПКОВА, самовольно и незаконно организовавших ярмарку в Ленинграде, привели к разбазариванию государственных товарных фондов, а также причинили крупный материальный ущерб в связи с большими и неоправданными затратами государственных средств на организацию ярмарки и на переезд ее участников из отдаленных местностей в Ленинград, и обратно.

Наряду с этим, как установлено, в результате вражеских действий обвиняемых ПОПКОВА, КУЗНЕЦОВА и КАПУСТИНА в 1940 году было сорвано выполнение дополнительного плана изготовления запасных частей к тракторам, утвержденного правительством для предприятий Ленинграда.

Они же в последующие годы, поступаясь интересами советского государства, под различными предлогами освобождали ленинградские предприятия от других заданий, связанных с удовлетворением хозяйственных нужд страны.

Обвиняемые ПОПКОВ, КУЗНЕЦОВ и КАПУСТИН саботировали выполнение постановления Государственного Комитета Оборона о мобилизации специалистов на восстановление предприятий электротехнической и машиностроительной промышленности гор. Ленинграда с тем, чтобы удержать этих специалистов в местной промышленности.

В нарушение установок партии и правительства и в обход государственного плана, в ленинградской промышленности обвиняемыми КУЗНЕЦОВЫМ, ПОПКОВЫМ и их сообщниками осуществлялась линия на предпочтительное развитие производства предметов широкого потребления. В то же время не выполнялись планы по военному судостроению,

турбостроению для миноносцев и трелевочным тракторам, предназначенным для нужд общесоюзной лесной промышленности.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ дезорганизовывал работу промышленности, самовольно передавая часть заказов, предусмотренных государственным народно-хозяйственным планом, с отстающих на передовые предприятия, чем создавал видимость благополучия с промышленным производством⁷³ в Ленинграде.

Обвиняемый ПОПКОВ, в свою очередь, в подрывной деятельности прибегал к очковитирательству и обману государства, предприняв попытку, встретившую, однако, сопротивление со стороны директоров ленинградских предприятий, покрыть невыполнение плана в январе 1948 года за счет продукции, выпущенной в начале февраля того же года.

КУЗНЕЦОВЫМ, ПОПКОВЫМ, ЛАЗУТИНЫМ и другими участниками вражеской группы нарушалось решение директивных органов о запрещении строительства новых и расширения действующих в Ленинграде предприятий до создания местной топливно-энергетической базы, и предпринимались попытки ревизии решения этих органов о генеральном плане реконструкции города.

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ открыто выступал против решения Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об обязательных поставках государству зерна, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов, нагло заявляя, что это решение не учитывает якобы местных особенностей Ленинградской области. Следуя этим антигосударственным установкам, обвиняемый ПОПКОВ составил и направил в Совет Министров СССР письмо о том, чтобы с колхозов Ленинградской области поставки взимались не с площади, закрепленной за колхозами, как это предусмотрено законом, а с засеянной площади⁷⁴.

Таким образом, следует считать установленным, что обвиняемые по настоящему делу проводили подрывную работу в государственных органах, нарушали государственные планы, снижали темпы развития народного хозяйства страны и дезорганизовывали распределение материальных фондов между организациями.

На основании изложенного, —

1. КУЗНЕЦОВ Алексей Александрович, 1905 года рождения, уроженец гор. Боровичи Новгородской области, русский, состоял в ВКП(б) с 1925 года, бывш[ий] секретарь Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), затем — секретарь ЦК ВКП(б), до ареста — слушатель курсов переподготовки политсостава при Военно-Политической Академии имени Ленина,

2. ПОПКОВ Петр Сергеевич, 1903 года рождения, уроженец Владимирской области, русский, состоял в ВКП(б) с 1925 года, бывш[ий] секретарь Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), до ареста — аспирант Академии общественных наук при ЦК ВКП(б),

3. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Алексеевич, 1903 года рождения, уроженец гор. Чернь Тульской области, русский, происходит из семьи владельца сапожной мастерской, состоял в ВКП(б) с 1919 года, бывш[ий] председатель Госплана СССР, снят с работы,

4. КАПУСТИН Яков Федорович, 1904 года рождения, уроженец Калининской области, русский, состоял в ВКП(б) с 1927 года, бывш[ий] секретарь Ленинградского горкома ВКП(б); до ареста — слушатель курсов при Высшей партийной школе ЦК ВКП(б),

5. ЛАЗУТИН Петр Георгиевич, 1905 года рождения, уроженец гор. Петропавловска Казахской ССР, русский, отец — эсер, состоял в ВКП(б) с 1925 года, бывш[ий] председатель исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся,

6. РОДИОНОВ Михаил Иванович, 1907 года рождения, уроженец Горьковской области, русский, происходит из семьи кулака, состоял в ВКП(б) с 1929 года, бывш[ий] председатель Совета Министров РСФСР, до ареста — аспирант Академии общественных наук при ЦК ВКП(б),

7. ТУРКО Иосиф Михайлович, 1908 года рождения, уроженец гор. Константиновки (Донбасс), белорус, состоял в ВКП(б) с 1936 года, бывш[ий] второй секретарь Ленинградского обкома партии, затем — секретарь Ярославского обкома ВКП(б), до ареста — заместитель председателя Владимирского облисполкома,

8. ЗАКРЖЕВСКАЯ Таисия Владимировна, 1908 года рождения, уроженка гор. Ленинграда, русская, состояла в ВКП(б) с 1930 года, из партии исключена, бывш[ая] заведующая отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского обкома ВКП(б) и

9. МИХЕЕВ Филипп Егорович, 1902 года рождения, уроженец Калининской области, русский, состоял в ВКП(б) с 1926 гола, бывш[ий] управляющий делами Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)

ОБВИНЯЮТСЯ:

I. во вредительско-подрывной работе в партии, выразившейся:

а) в насаждении недовольства в ленинградской организации в отношении ЦК ВКП(б); в обмане и сокрытии фактов и документов с целью отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и в намерении превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК, как это делали зиновьевцы;

б) в расстановке антипартийных людей в различных пунктах СССР, от Ленинграда и до Крыма, от Прибалтики и до Волги, с использованием для этого доверия тов. ЖДАНОВА, и, опираясь на таких антипартийных людей, имея в руках ленинградскую организацию, ставили своей целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть;

в) в политическом и моральном избиении честных коммунистов в руководящем составе ленинградской организации и смещении их с занимаемых постов, замене их политически разложившимися, антипартийными и антигосударственными людьми с целью навязать ленинградской организации в качестве ее руководителей разложившихся людей — пьяниц и воров, обкрадывавших партию и государство, и сделать ленинградскую организацию вполне послушной и угодной им;

II. во вредительско-подрывной работе в государственных органах, выразившейся:

а) в нарушении, через бывшего председателя Госплана СССР ВОЗНЕСЕНСКОГО, государственных планов и снижении темпов развития народного хозяйства страны;

б) в дезорганизации, через бывшего председателя Госплана СССР ВОЗНЕСЕНСКОГО, распределения материальных фондов между организациями и передаче в преступных целях этих фондов, за счет других ведомств и областей, тем организациям, в которых у руководства находились свои люди, —

то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР.

В соответствии со статьей 208 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР обвиняемые по настоящему делу подлежат преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Дела в отношении СОЛОВЬЕВА Н. В., ВЕРБИЦКОГО А. Д., БАДАЕВА Г. Ф., ЛЕВИНА П. И., ВОЗНЕСЕНСКОГО А. А., ВОЗНЕСЕНСКОЙ М. А., КЕДРОВА Г. Т., НИКИТИНА М. П., ТАЛЮША П. Т., ИВАНОВА В. П., БОЯРА Э. П., САФОНОВА М. И., ГАЛКИНА В. П., ТИХОНОВА А. Я., ЗЛОБИНА П. С.⁷⁵ и СИЗОВА К. М. выделены в особое производство, а часть из них рассмотрены и обвиняемые осуждены.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве <<26>⁷⁶ сентября 1950 года.

СТАРШИЙ ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
Генерал-майор юстиции НИКОЛАЕВ⁷⁷ <Николаев>

*US Library of Congress, Dmitrii Antonovich Volkogonov Papers, Box 3 (Reel 2),
Folder 14, pp. 0–37, 162–165, 169, 172.
Копия. Машинопись.*

¹ В документах, доступных исследователям в настоящее время, термин «ленинградское дело» впервые употреблен в сопроводительной записке, направленной В. С. Абакумовым И. В. Сталину 18 января 1950 г.: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 4ос. Оп. 8. Д. 14. Л. 3. — Опубликовано в: Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953: документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007. С. 302. — Можно полагать, что к этому времени такое обозначение «дела» уже многократно использовалось в переписке между Министерством госбезопасности (далее — МГБ) и руководством страны.

² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 16, 26.

³ Единственное исключение — неудачная попытка обвинить Я. Ф. Капустина в шпионаже на английскую разведку из-за того, что он с 1935 по 1936 г. стажировался в Манчестере на промышленном предприятии «Метрополитен Викарс». Позже это обвинение было смягчено и изменено на «недостойное поведение» во время стажировки.

⁴ *Абакумов Виктор Семенович* (1908–1954) — с 1946 по 1951 г. — министр государственной безопасности СССР.

⁵ См. об этом: *Хрущев Н. С.* Воспоминания. М., 2016. Т. 2. С. 26–27; *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 567–568; *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2000. С. 508–510, 531.

⁶ Подробный анализ таких публикаций см. в: *Амосова А. А., Бранденбергер Д.* Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х — начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // *Новейшая история России.* 2017. № 1 (18). С. 94–112.

⁷ *Путинцев Арсений Васильевич* (1917–?) — в 1949–1951 гг. — помощник начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

⁸ *Броверман Яков Михайлович* (1908–?) — в 1946–1951 гг. — заместитель начальника секретариата МГБ СССР.

⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 6. Оп. 19. Д. 42. Л. 75.

¹⁰ Помимо избийений и других форм пыток, следователи иногда обещали заключенным смягчение наказания в обмен на признание вины; в других случаях убеждали, что обязанностью допрашиваемого как члена партии является поддержка обвинения (Там же. Л. 76).

¹¹ Там же. Л. 76–77.

¹² Там же. Л. 78. — И. М. Турко описал то, как Путинцев заставил его подписать такой протокол: «Путинцев вызвал меня и предложил подписать заранее составленный им протокол моего допроса... Я отказался подписать этот протокол, тогда Путинцев меня избил и бросил в карцер. В результате такого бесчеловечного обращения со мной, систематических избийений, применения карцера, лишения сна, я потерял способность к сопротивлению и подписал все, что мне предлагал следователь» (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 52).

¹³ В данном случае авторы более скептически относятся к достоверности информации из протоколов допросов, чем некоторые другие исследователи. См., напр.: *Дюков А. Р.* К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ — НКВД // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* 2018. № 3 (47). С. 74–89.

¹⁴ *Кузнецов Алексей Александрович* (1905–1950) — родился в Боровичах, Новгородской губернии. Находился на комсомольской работе (1924–1932); инструктор Ленинградского горкома (далее — ЛГК) ВКП(б), второй секретарь Смольнинского райкома ВКП(б), первый секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) (1932–1937), второй секретарь Ленинградского обкома (далее — ЛОК) ВКП(б) (1937–1938), второй секретарь ЛГК ВКП(б) (1938–1945), первый секретарь ЛГК и ЛОК ВКП(б) (1945–1946). С марта 1946 по январь 1949 г. — секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б). С апреля 1946 по июль 1948 г. — начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны — член Военных советов Северного и Ленинградского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота (далее — КБФ), член Военного совета 2-й ударной армии Волховского фронта. Арестован 13 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР (далее — ВКВС) к высшей мере наказания (далее — ВМН). Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

¹⁵ *Родионов Михаил Иванович* (1907–1950) — 3-й секретарь Горьковского обкома (далее — ОК) ВКП(б) (1938–1939), председатель исполкома Горьковского областного совета (1939–1940), 1-й секретарь Горьковского областного комитета (далее — ОК) ВКП(б) (1940–1946), председатель Совета министров (далее — СМ) РСФСР (1946–1949); 30 сентября приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

¹⁶ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950) — родился во Владимирской губернии. Ответственный секретарь Владимирского волостного комитета РКСМ (1925–1926); окончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (1937); председатель исполкома райсовета Ленинского района г. Ленинграда (1937–1938), председатель Ленгорисполкома, член бюро ЛГК ВКП(б) (1939–1946), один из организаторов обороны Ленинграда; первый секретарь ЛГК и ЛОК ВКП(б) (1946–1949). Арестован 13 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

¹⁷ Текст постановления см. в: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35–36. — Опубликовано в: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 66–68.

¹⁸ Приводится по: *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018. С. 220–248.

¹⁹ Текст доклада Маленков забрал с собой в Москву. Как следует из пометок на архивных делах, этот текст был изъят Маленковым в 1957 г. и не возвращен в архив: РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 13. Л. 103.

²⁰ *Капустин Яков Федорович* (1904–1950) — окончил Ленинградский индустриальный институт (1934); 1-й секретарь Кировского районного комитета (далее — РК) ВКП(б) (1939–1940), секретарь ЛГК ВКП(б) (1940–1949); уполномоченный ГКО по эвакуации промышленности Ленинграда. Арестован 13 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

²¹ О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий считают, что основная причина снятия Вознесенского — так называемое дело Госплана — было только косвенно связано с «ленинградском делом» (*Хлевнюк О. В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011).

²² *Вознесенская Мария Алексеевна* (1901–1950) — секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) (1947–1949). Арестована 21 июля 1949 г. 27 октября 1950 г. приговорена ВКВС СССР к ВМН. Расстреляна. Реабилитирована.

²³ *Вознесенский Николай Алексеевич* (1903–1950) — окончил коммунистический университет им. Свердлова (1924), Институт красной профессуры (1931); председатель Государственной плановой комиссии при СНК (СМ) СССР (1938–1941, 1942–1949), заместитель (с 1939), 1-й заместитель (с 1941) председателя СНК СССР; член ГКО, член комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов; член Политбюро ЦК ВКП(б) (1947–1949). 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

²⁴ «Во вражеской группе подготавливался вопрос о переносе столицы в Ленинград» // Коммерсант-Власть. 2000. № 38. 28 сент. С. 56.

²⁵ *Жданов Андрей Александрович* (1896–1948) — секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК ВКП(б) (с 1934), кандидат в члены (с 1935), член (с 1938) Политбюро ЦК ВКП(б); 1-й секретарь

ЛГК и ЛОК ВКП(б) (1934–1944), начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (1938–1941).

²⁶ См. об этом: *Вознесенский Л. А.* Истины ради... М., 2004. С. 215–216.

²⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 4 ос. Оп. 8. Д. 14. Л. 3. — Опубликовано в: Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953: документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007. С. 302. — Используя выражение «по опыту прошлого», Абакумов косвенно ссылаясь на практику судопроизводства, установленную так называемым законом от 1 декабря 1934 г. (Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 516. Л. 4).

²⁸ Описание содержания этого документа см. в: *Вознесенский Л. А.* Истины ради... С. 230.

²⁹ Согласно свидетельству следователя МГБ Л. С. Коровина, в последних числах августа 1950 г. Абакумов, Леонов, Комаров и Шварцман выехали на 10 дней в Сочи. Коровин вполне понимал, что роль Сталина в подготовке обвинительного заключения была определяющей: «После возвращения их из Сочи от Сталина нам, следователям, было объявлено, что Сталин, несмотря на занятость государственными делами, нашел время и лично составлял обвинительное заключение по «ленинградскому делу». Более того, Сталин дал новую формулировку обвинения («подрывники в партийном аппарате»), и теперь надо немедленно перепредъявить обвинение всем арестованным ленинградцам по сталинской формуле. И это было сделано — обвинение ленинградцам предъявлялось второй раз и в постановлении, а потом обвинительном заключении писалось «формула обвинения», сочиненная, как нам сказали, Сталиным» (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 19. Д. 34. Л. 159).

Леонов Александр Георгиевич (1905–1954) — в 1950 г. — начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР; *Шварцман Лев Леонидович* (1907–1955) и *Комаров Владимир Иванович* (1916–1954) — в 1950 г. — заместители начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

³⁰ *Вавилов Афанасий Петрович* (1902–1964) — с января 1944 по март 1946 г. — заместитель Прокурора СССР, с марта 1946 по 1954 г. — заместитель Генерального прокурора СССР, одновременно (1950–1954) — Главный военный прокурор. Руководил работой по надзору за расследованием спецдел в органах МГБ СССР. После пересмотра «ленинградского дела» и реабилитации всех осужденных (1954) был снят с должности. Постановлением Совета министров СССР от 6 августа 1955 г. разжалован до рядового и уволен из Вооруженных сил. Указом Президиума Верховного Совета СССР лишен всех наград. С 1955 г. работал в органах прокуратуры в Сибири и в Москве.

³¹ *Лазутин Петр Георгиевич* (1905–1950) — окончил Ленинградский институт холодильной промышленности (1937), заместитель заведующего отделом кадров ЛГК ВКП(б) (1939–1942), секретарь ЛГК ВКП(б) по пищевой промышленности (1940–1943), заведующий отделом кадров ЛГК ВКП(б) (1941–1942), заведующий отделом общественного питания, торговли и пищевой промышленности ЛГК ВКП(б) (1943–1944), первый заместитель председателя (1944–1946), председатель (1946–1949) Ленгорисполкома. Арестован 13 августа 1949 г. 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС к ВМН. Расстрелян 1 октября 1950 г. Реабилитирован.

³² *Турко Иосиф Михайлович* (1908–1987) — окончил Ленинградский инженерно-экономический институт (1934); директор Ленинградского фарфорового завода «Пролетарий» (1937–1940), 1-й секретарь Красногвардейского РК ВКП(б) (1940–1944), секретарь ЛОК ВКП(б) (1944–1946), 1-й секретарь Ярославского ОК ВКП(б) (1944–1949), заместитель председателя Владимирского облисполкома (1949). 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к 15 годам заключения. Реабилитирован.

³³ *Закржевская Тасия Владимировна* (1908–1986) — окончила Ленинградский горный институт (1935); секретарь, 1-й секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) (1941–1948); зам. зав. отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) (1948), заведующая отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЛОК ВКП(б) (1948–1949). 30 сентября 1950 г. приговорена ВКВС СССР к 10 годам заключения. Реабилитирована.

³⁴ *Михеев Филипп Егорович* (1902–1975) — окончил Педагогический институт им. Герцена. С 1936 г. занимал пост заместителя секретаря, первого секретаря Детскосельского (Пушкинского) РК ВКП(б) Ленинградской области. В 1941–1949 гг. — управляющий делами Ленинград-

ских горкома и обкома ВКП(б). 30 сентября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован.

³⁵ *Вознесенский Л. А. Истины ради...* С. 233–234.

³⁶ В докладной записке содержалось предложение «осудить ВКВС в обычном порядке, в Лефортовской тюрьме, без участия сторон» 19 чел. (Н. В. Соловьева, А. Д. Вербицкого, П. И. Левина, Г. Ф. Бадаева, А. А. Вознесенского, П. Н. Кубаткина, М. А. Вознесенскую, П. Т. Бондаренко, И. С. Харитоновна, А. И. Бурилина, М. В. Басова, М. Н. Никитина, П. Т. Таллош, М. И. Сафонова, В. П. Галкина, В. Н. Иванова, А. А. Бубнова, М. И. Петровского и П. А. Чурсина) — к смертной казни, 13 чел. (А. М. Григорьева, В. А. Колобашкина, Н. Д. Синцова, Г. Х. Бумагина, Э. П. Бояр, А. П. Клеменчук, П. В. Кузьменко, М. А. Таирова, Н. Д. Шумилова, В. И. Никанорова, Н. П. Хованова, Л. Л. Ракова и В. О. Белопольского) — к 25 годам тюремного заключения, 6 чел. (А. Я. Тихонова, А. Ф. Павлова, Н. В. Лизунова, М. И. Подгорского, В. Н. Ведерникова и Л. М. Скрипченко) — к 15 годам заключения в «особом лагере». Все перечисленные были приговорены к предложенным наказаниям, кроме В. О. Белопольского, который был приговорен ВКВС СССР 31 октября 1950 г. к ВМН (*Вознесенский Л. А. Истины ради...* С. 243).

³⁷ Например, ст. 58-1 «а» УК РСФСР того времени, которая вменялась обвиняемым, предусматривает наказание за измену родине, т. е. за «действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу». Как можно увидеть, никаких доказательств совершения подобных действий в обвинительном заключении не приводится. Не зря некоторые из присутствовавших на процессе вспоминали потом, что судебное заседание больше напоминало «партийное собрание» (*Вознесенский Л. А. Истины ради...* С. 235).

³⁸ Включение Н. А. Вознесенского персонально и комплекса доказательств по «делу Госплана» в обвинительное заключение выглядит искусственным, поскольку остальные обвиняемые к делам Госплана не имели никакого отношения. Л. А. Вознесенский считает, что дело Н. А. Вознесенского было приобщено к «ленинградскому делу», так как в «деле Госплана» не было предусмотрено никаких «расстрельных статей» (*Вознесенский Л. А. Истины ради...* С. 215).

³⁹ Следует остановиться и на той части обвинений, которая касается якобы имевших место имущественных злоупотреблений, тем более что именно эта часть рассматривается некоторыми исследователями в качестве чуть ли не основной причины «ленинградского дела». Как следует из текста, обвинений в имущественных, коррупционных преступлениях никому из подсудимых не предъявлялось. Вряд ли всерьез можно рассматривать версию, согласно которой Сталин старался скрыть истинную цель процесса — борьбу с коррупционерами, используя в качестве прикрытия значительно более тяжкие обвинения в измене Родине или вредительстве. Факты, приведенные в обвинительном заключении, либо представляют собой явные передергивания, либо приводятся только для демонстрации низкого морального облика обвиняемых. В целом следствию так и не удалось предоставить доказательств существования какой-либо коррупционной активности в среде ленинградских руководителей, которые поражали бы воображение их коллег из других регионов, несмотря на то что к возможным злоупотреблениям в Ленинграде задолго до 1950 г. проявлялось особое внимание центральной власти. См., напр.: *Старков Б. А. Борьба с коррупцией и политические процессы во второй половине 1940 годов // Исторические чтения на Лубянке. М., 2001. С. 87; Tromly B. The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949–1950 // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56, no. 5. P. 707–729; Сушков А. В. «Ленинградское дело». Генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018. — Подробнее см., напр.: *Болдовский К. А. Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 4. С. 175–184.**

⁴⁰ Письма Родионова И. В. Сталину от 27.09.1947 и 07.01.1948 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 64. Л. 7, 9. — Первое письмо опубликовано со ссылкой на копию в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 68. — См. в: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. М., 2002. С. 246–247. — См. также: Письмо Родионова Г. М. Маленкову от 09.09.1948 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 64. Л. 10–11.

⁴¹ В тексте ошибочно набранные машинописью инициалы «Г. В.» исправлены от руки на «Т. В.».

⁴² Текст документа публикуется по копии, отложившейся в фонде Д. А. Волкогонова, который хранится в Библиотеке Конгресса США.

⁴³ Подпись — автограф.

⁴⁴ Число «26» вписано от руки.

⁴⁵ Здесь и далее сохранены отточия, имеющиеся в тексте заключения.

⁴⁶ *Бадаев Георгий Федорович* (1909–1950) — окончил Ленинградскую промышленную академию (1937); заведующий промышленным отделом ЛГК ВКП(б) (1939), 1-й секретарь Московского РК ВКП(б) (1939–1943), секретарь ЛГК ВКП(б) по кадрам (1943–1946), секретарь ЛОК ВКП(б) (1946–1949). 27 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁴⁷ Речь идет о выступлении П. С. Попкова в ноябре 1948 г. на совещании по вопросу строительства Череповецкого металлургического комбината. Как позднее сам Попков рассказывал на пленуме ЛГК и ЛОК ВКП(б) 22 февраля 1949 г., на совещании он заявил следующее: «Вы знаете, что мы взяли обязательство выполнить пятилетку в четыре года. Ленинградцы выступили с этим лозунгом, вся страна подхватила, но нас с марта месяца прошлого года правительство на полном скаку осадило назад... Наша задача заключается в том, чтобы не сдерживать мощь ленинградской промышленности. Если учесть, что у нас оборудование 130 % к довоенному, то есть на 30 % больше, причем квалифицированное, а значит мощнее, если учесть, что на 48 % подняли производительность труда по сравнению с 1940 годом, если выпускали продукцию на 14 миллиардов, то сколько мы сейчас можем выпускать? Нас сдержали. Причем, какой продукции? Высококвалифицированной, которую выпускает только Ленинград и никакой другой промышленный центр. Эта продукция нужна по горло. Для того, чтобы развязать Ленинграду руки, нужен металлургический завод, нужен свой металл, давайте строить...» В ходе февральского пленума Попков охарактеризовал свое выступление следующим образом: «Это прямое выступление против решений ЦК партии. Здесь демагогия и прямое заигрывание — выходит, мы, ленинградцы, такие хорошие, а вот нас ЦК и правительство взяли и осадили, а мы, мол, такие люди, которые могут дать больше, чем нам предлагают». И далее: «Я хотел подчеркнуть большое, жизненно необходимое для Ленинграда значение создания надежной топливно-энергетической базы. К выступлению не подготовился и вот, что я наболтал» (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 49. Д. 3. Л. 27–29).

⁴⁸ Подробнее см.: *Бранденбергер Д.* «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // *Новейшая история России.* 2016. № 3. С. 175–186.

⁴⁹ Отец А. А., М. А. и Н. А. Вознесенских до 1917 г. был лично-почетным гражданином и некоторое время работал приказчиком. Об этом они указывали в своих анкетах (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 39550.01. Л. 2). Подробнее об этом см.: *Вознесенский Л. А.* Истины ради... С. 210. — М. И. Родионов указывал в автобиографии, что его отец, который умер в 1923 г., «в 1920–1922 гг. имел одну вторую часть ветряной мельницы. Найма рабочей силы в хозяйстве не было». Кроме того, он указывал, что один из его братьев был осужден на два года за растрату кооперативных средств и наказание отбыл (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 167035.01. Л. 5). Таким образом, никто из них не скрывал этой информации.

⁵⁰ *Вербицкий Александр Дмитриевич* (1904–1950) — окончил Ленинградский химико-технологический институт (1935); 1-й секретарь Красногвардейского РК ВКП(б) (1938–1940), секретарь ЛГК ВКП(б) по кадрам (1940–1941), член Военного Совета КБФ (1941–1945), секретарь ЛОК ВКП(б) (1945–1948), 2-й секретарь Мурманского ОК ВКП(б) (1948), заместитель министра морского флота СССР по политчасти (1948–1949). 27 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁵¹ В 1947 г. в ЛГК ВКП(б) поступили сведения о том, что Т. В. Закржевская (в то время — 1-й секретарь Куйбышевского райкома партии) получала подарки от руководителя меховой артели. По этому поводу аппаратом горкома была подготовлена обширная докладная записка, после чего Закржевскую переместили с ее поста. Этот случай был широко известен среди работников ленинградского партаппарата (*Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей»... С. 172–173).

⁵² *Галкин Владимир Петрович* (1903–1950) — заместитель председателя Ленсовета. 28 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁵³ На XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) было принято обращение к ленинградской партийной организации «ввиду совершенно неправильного поведения делегации от Ленинграда... создающее опасность подрыва единства... партии», что ознаменовало начало разгрома так называемой зиновьевской оппозиции. В. П. Галкин никогда не отрицал то, что в это время он один раз проголосовал на партсобрании за «ошибочную резолюцию». Этот случай разбирался в феврале 1938 г. в Ленинском РК ВКП(б), который принял решение оставить В. П. Галкина в партии. Информация об этом содержалась и в его личном деле члена партии (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 186521-4. Л. 2–15).

⁵⁴ *Вознесенский Александр Алексеевич* (1898–1950) — окончил Петроградский университет. Ректор Ленинградского университета (1941–1947); избран депутатом Верховного совета СССР (1947); Министр просвещения РСФСР (1948–1949). Арестован 19 августа 1949 г. 27 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁵⁵ *Левин Пантелеймон Иванович* (1911–1950) — окончил Ленинградский горный институт (1937), 1-й секретарь Дзержинского РК ВКП(б) (1941–1946), заместитель секретаря, заведующий отделом оборонной промышленности ЛГК ВКП(б) (1946–1947), заведующий организационно-инструкторским отделом ЛГК ВКП(б) (1947–1948), секретарь ЛГК ВКП(б) (1948–1949). Арестован 2 сентября 1949 г. 27 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁵⁶ *Никитин Михаил Никитич* (1902–1950) — окончил Институт красной профессуры (1935); 3-й секретарь ЛОК ВКП(б) (1941), руководитель, начальник Ленинградского штаба партизанского движения (1941–1944); секретарь Новосибирского ОК ВКП(б) (1944–1945); 2-й секретарь Новосибирского ГК ВКП(б) (1945–1948); заместитель председателя Ленинградского областного профсовета (1948–1949). 28 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁵⁷ *Бояр Эмиль Петрович* (1902–1980) — заведующий отделом местной промышленности Ленгорсовета (1941–1945), заместитель председателя Леноблисполкома (1945–1949). Арестован 17 июля 1949 г. 30 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к 25 годам тюремного заключения. Реабилитирован.

⁵⁸ *Тихонов Александр Яковлевич* (1913–1982) — родился в г. Ковров Владимирской губернии. Учился в Ленинградском индустриальном институте (Политехнический институт) (1935–1940). Председатель исполкома райсовета Выборгского района г. Ленинграда (1941–1944), первый секретарь Фрунзенского райкома ВКП(б) (1944–1946), первый секретарь Кировского райкома ВКП(б) (1946–1948), заведующий отделом тяжелой промышленности ЛГК ВКП(б) (1948–1949). Как председатель счетной комиссии на декабрьской (1948) объединенной партконференции обвинен в организации подтасовки результатов голосования. Арестован 5 августа 1949 г. Приговорен ВКВС 31 октября 1950 г. к 15 годам заключения. Реабилитирован.

⁵⁹ 3 апреля 1943 г. постановлением бюро ЛГК ВКП(б) А. Я. Тихонову был вынесен строгий выговор «за допущение покупки мебели женой в обмен на продовольственную карточку» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4715. Л. 4). Этот случай был широко известен среди работников ленинградского партаппарата.

⁶⁰ Подробнее об искажении результатов голосования на 7-й городской (10-й областной) объединенной ленинградской партконференции в декабре 1948 г. см.: *Бранденбергер Д.* О некоторых аспектах «ленинградского дела» // Россия XXI. 2018. № 2. С. 66–77.

⁶¹ *Иванов Всеволод Николаевич* (1912–1950) — окончил Ленинградский электротехнический институт связи (1936); 1-й секретарь ленинградских горкома и обкома ВЛКСМ (1940–1944), секретарь ЛГК ВКП(б) (1944–1945), секретарь ЦК ВЛКСМ (1945–1949). Арестован 4 ноября 1949 г. 28 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁶² *Соловьев Николай Васильевич* (1903–1950) — окончил Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет в Ленинграде (1934); председатель Леноблисполкома (1938–1946); в годы блокады Ленинграда руководил Ладожской трассой и строительством нефтепровода, проложенного по дну Ладоги; 1-й секретарь Крымского ОК ВКП(б) (1946–1949). 27 октября 1950 г. ВКВС СССР приговорен к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован (*Brandenberger D.*,

Amosova A., Pivovarov N. The Rise and Fall of a Crimean Party Boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the "Leningrad Affair" // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, no. 6. P. 951–971.

⁶³ *Кедров Георгий Тихонович* (1907–1983) — окончил Ленинградский инженерно-экономический институт (1935); 1-й секретарь Фрунзенского РК ВКП(б) (1939–1941), 1-й секретарь Выборгского РК ВКП(б) (1941–1946), секретарь ЛГК ВКП(б) по кадрам (1946–1948). Секретарь ЦК КП(б) Эстонии (1948–1949). Арестован. 21 января 1952 г. приговорен ВКВС СССР к 25 годам заключения. Реабилитирован.

⁶⁴ *Талюш Петр Тимофеевич* (1902–1950) — окончил Ленинградский политехнический институт (1937); заместитель управляющего «Ленэнерго» (1939–1940), заведующий отделом электростанций и электропромышленности ЛГК ВКП(б) (1940–1941), секретарь, заместитель секретаря ЛГК ВКП(б) (1941–1946), заместитель секретаря ЛОК ВКП(б) (1946–1948), 3-й секретарь Саратовского ОК ВКП(б) (1948–1949). Арестован 24 августа 1949 г. 28 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁶⁵ *Лашина Варвара Ивановна* (1904–?) — заместитель председателя Леноблисполкома до 1945 г. В марте 1945 г. она была переведена на работу 1-м секретарем Парголово-ского райкома ВКП(б). Сама Лашина не считала этот переход понижением или наказанием, о чем свидетельствуют ее объяснения. Более того, в 1951 г., после начала «ленинградского дела», ей был объявлен строгий выговор за то, что она «отмалчивалась и не сообщила о фактах недостойного поведения бывших руководящих работников облисполкома. Более того, не высказала своего отношения к антипартийной группе, заявляя, что она ничего о ней не знает и что бывшее руководство выдвигалось [рядовыми коммунистами] и ему доверяли» (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 76. Д. 484. Л. 30–31). Таким образом, сама Лашина факта «расправы» над ней не признавала.

⁶⁶ *Данилин Яков Ильич* (1907–?) — секретарь Слуцкого РК ВКП(б) (1938–1943), заместитель председателя Леноблисполкома (1943–1944), зав. отделом по гособеспечению семей военнослужащих Леноблисполкома. С 1946 г. — 1-й секретарь Всеволожского райкома партии Ленинградской области. Как и В. И. Лашина, Данилин не упоминал о том, что был якобы снят с должности за критику (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 220429. Л. 12–30, 44–45, 65–65 об, 86–90).

⁶⁷ *Сафонов Михаил Иванович* (1903–1950) — начальник областного земельного отдела (1938–1940), уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Эстонии по поставкам (1940), политработник КБФ (1941), член ВС ЛФ, заместитель председателя Леноблисполкома (1944–1949), председатель Новгородского облисполкома (1949). Арестован 22 сентября 1949 г. 28 октября 1950 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

⁶⁸ *Кожаринов Владимир Васильевич* (1903–1997) — директор Ленинградского металлического завода с 1942 г. В июне 1948 г. бюро ЛГК объявило В. В. Кожаринову выговор с занесением в учетную карточку «за срыв постановления правительства по поставке башен «МК-5». Выговор был снят решением бюро ЛГК 2 февраля 1949 г. В декабре 1948 г. Кожаринов был избран членом ЛГК партии, что свидетельствует об отсутствии предвзятого отношения к нему со стороны ленинградских руководителей. Напротив, Кожаринов был снят с работы в 1951 г., причём в качестве одной из причин фигурировала его «близость к бывшему руководству» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 865314. Л. 2, 18).

⁶⁹ *Нилов Сергей Яковлевич* (1907–?) — зав. сектором, зам. зав. отделом кадров ЛГК ВКП(б) (1943–1945), 2-й секретарь Приморского РК ВКП(б) (1945–1948), 1-й секретарь Койвистовского, затем Гатчинского РК ВКП(б) Ленинградской области (1948–1950). В 1950 г. снят с работы за «непартийное поведение». В 1948 г. С. Я. Нилов был подвергнут критике за нарушение партийной дисциплины — отказ поехать на партийную работу в Сланцевский район Ленинградской области, но никаких взысканий на него не было наложено. Более того, в характеристике отмечено, что он «свою ошибку осознал и стремится исправить» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 846072. Л. 8, 20).

⁷⁰ *Злобин Алексей Степанович* (1903–?) — перед арестом — заведующий Таллинской конторой сбыта Ленинградского пивоваренного завода им. Степана Разина. Показания Злобина были получены в результате внутрикамерной агентурной разработки. Подробнее см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 229. Л. 133–134.

⁷¹ Сутунка — плоская стальная заготовка, получаемая на сортопрокатных и заготовочных станах и предназначенная для горячей штучной прокатки тонких листов.

⁷² Речь идет о восстановлении Ленинграда после блокады.

⁷³ Так в тексте. Вероятно, следует читать «промышленным производством».

⁷⁴ В первые послевоенные годы некоторые районы Ленинградской области (в первую очередь Карельского перешейка) заселялись колхозниками — переселенцами из других регионов СССР, для которых были предусмотрены льготы по обязательным поставкам сельхозпродукции государству.

⁷⁵ Ошибка в тексте. Имеется в виду Злобин Алексей Степанович.

⁷⁶ Число «26» вписано от руки.

⁷⁷ Подпись — автограф. Вероятно — Николаев Н. Н. (1900–1993).

Статья поступила в редакцию 23 апреля 2019 г.

Рекомендована в печать 12 сентября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Болдовский К. А., Бранденбергер Д. Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 993–1027. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.411>
УДК 94(47).084.8

Аннотация: Масштабная репрессивная кампания, развернувшаяся в СССР в 1949–1951 гг., до сих пор окутана массой мифов и домыслов. В статье анализируется то, как Сталин задумывал этот политический процесс, какой сигнал должны были получить его окружение и нижестоящие чиновники. В статье впервые полностью публикуется официальное обвинительное заключение по так называемому ленинградскому делу, сопровождаемое комментариями и анализом состава «преступлений», приписываемых Кузнецову и его соратникам. Обвинительное заключение — важный исторический источник, так как он раскрывает картину, которую, по замыслу вождя, должны были увидеть окружающие. Непоследовательность и слабая аргументация документа свидетельствуют о полном провале организации этого политического процесса, об отсутствии внятных аргументов обвинения. Также исследуется процедура подготовки центрального процесса «ленинградского дела». Авторы анализируют предыдущие редакции обвинительного заключения, показывая, как Сталин менял концепцию судебного процесса в попытках сделать его более убедительным. Подчеркнута несостоятельность выдвинутых обвинений, которые могли быть применены к любому региональному руководителю СССР, хотя наказание получили только руководители одной из партийных организаций. Характерные черты публикуемого юридического документа — бездоказательность обвинений, многочисленные умолчания и фрагментарность приведенных фактов. Текст обвинительного заключения приводится без купюр и снабжен биографическими справками названных в нем фигурантов уголовного дела. Он содержит больше подробностей по сравнению с уже опубликованным приговором по уголовному делу, что дает возможность сделать новые выводы о ходе процесса.

Ключевые слова: ленинградское дело, поздний сталинизм, политические репрессии, чистки, послевоенный Ленинград, А. А. Кузнецов, Н. А. Вознесенский, П. С. Попков.

Сведения об авторах: *Болдовский К. А.* — канд. ист. наук, науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); bold63@mail.ru | *Бранденбергер Д.* — PhD истории, проф., Университет Ричмонда (Ричмонд, Вирджиния, США); исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); dbranden@richmond.edu

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7
Университет Ричмонда, США, VA 23173, 410 Westhampton Way

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

FOR CITATION

Boldovskiy K. A., Brandenberger D. 'Criminal indictment of the "Leningrad Affair": Context Analysis', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 4, 2019, pp. 993–1027.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.411>

Abstract: This major campaign of repression that developed in the USSR between 1949 and 1951 remains obscured by myth and speculation to the present day. The present article analyzes how Stalin planned the show trial and what sort of a "signal" it was to send to his inner circle and lower-ranking officials. To that end, this article publishes the official criminal indictment for the "Leningrad Affair," as well as commentary and an analysis of the crimes that were attributed to A. A. Kuznetsov and his comrades-in-arms. The criminal indictment is published in its totality here for the first time. This is an important historical source, insofar as it depicts the case in the way that the dictator intended it to be viewed. Its inconsistencies and poor argumentation testify to the authorities' failure to successfully organize this political show trial and develop a persuasively constructed indictment. The article also investigates the process according to which the central "Leningrad Affair" show trial was prepared. The authors track the early versions of the indictment and show how Stalin altered the court case in an effort to make it more persuasive. The article also demonstrates the bankruptcy of the accusations within the indictment, which could have been leveled against any regional strongman in the USSR but were instead made against the leadership of only a single party organization. The text of the indictment is rendered here without ellipses and furnished with biographical information about the people named within the context of the criminal case. It contains more information than the already published sentence of the court in regard to the "Leningrad Affair," allowing for an array of new conclusions to be drawn about the nature of this case.

Keywords: *Leningrad Affair*, late Stalinism, political repressions, purges, post-war Leningrad, A. A. Kuznetsov, N. A. Voznesenskiy, P. S. Popkov.

Authors: *Boldovskiy K. A.* — PhD, Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); bold63@mail.ru | *Brandenberger D.* — PhD in History, Professor, University of Richmond (Richmond, USA); Research Associate, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow); dbranden@richmond.edu

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

University of Richmond, VA 23173, 410 Westhampton Way, USA

National Research University "Higher School of Economics", 20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia

References:

- Amosova A. A., Brandenberger D. 'New Approaches to the Interpretation of the "Leningrad Affair" at the end of the 1940s — early 1950s in Russian Scholarly-Popular Writing', *Modern History of Russia*, no. 1, 2017. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.106.
- Boldovskiy K. A. 'The 1947 Monetary Reform and the Leningrad Party Apparatus', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii*, no. 4, 2013. (In Russian)
- Boldovskiy K. A. *The Fall of the "Blockade Secretaries". The Party Apparatus of Leningrad before and after the "Leningrad Affair"* (St. Petersburg, 2018) (In Russian)
- Brandenberger D., Amosova A., Pivovarov N. 'The Rise and Fall of a Crimean Party Boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the "Leningrad Affair"', *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 6, 2019.
- Brandenberger D. "'Repressed" Memory: The Campaign Against the Leningrad Interpretation of the Blockade in the Stalinist USSR, 1949–1952 (A Case Study of the Museum of the Defense of Leningrad)', *Modern History of Russia*, no. 3, 2016. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.311.
- Brandenberger D. 'On Some Aspects of the "Leningrad Affair"', *Rossia XXI*, no. 2, 2018. (In Russian)
- Chuev F. *Molotov: the Semi-Sovereign Lord* (Moscow, 2000). (In Russian)
- Diukov A. R. 'On the issue of acceptability of using the investigative testimony obtained by OGPU — NKVD', *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region*, no. 3 (47), 2018. (In Russian). DOI: 10.21685/2072-3024-2018-3-8.
- Khlevnyuk O. V., Gorlitskiy Y. *Cold Peace: Stalin and Height of the Stalinist Dictatorship, 1945–1953* (Moscow, 2011). (In Russian)

-
- Khrushchev N. S. *Memoirs* (Moscow, 2016). (In Russian)
- Lubyanka. *Stalin and the MGB of the USSR. March 1946 — March 1953: Documents of the Supreme Bodies of the Party and State* (Moscow, 2007). (In Russian)
- Mikoyan A. I. *It was like this. Reflections on the Past* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Starkov B. A. 'The Struggle with Corruption and the Political Trials of the Second Half of the 1940s', *Istoricheskie chteniia na Lubianke* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Sushkov A. V. *The "Leningrad Affair": The General Purge of the "Cradle of the Revolution"* (Yekaterinburg, 2018). (In Russian)
- "The Enemy Group Was Working on the Issue of Transferring the Capital to Leningrad", *Kommersant-Vlast*, no. 38, 2000. (In Russian)
- The Politburo and the USSR Council of Ministers, 1945–1953* (Moscow, 2002). (In Russian)
- Tromly B. 'The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949–1950', *Europe-Asia Studies*, vol. 56, no. 5, 2004.
- Voznesenskiy L. A. *On Behalf of the Truth...* (Moscow, 2004). (In Russian)

Received: April 23, 2019

Accepted: September 12, 2019